

"Не зарекайся (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Панченко Юлия.

«Не зарекайся»

Ева, эта история без тебя не была бы написана. Спасибо за идею, и за ту самую фразу: «Он сказал, что никогда не женится на центровской».

Диана, ты мой лучик, я рада, что ты у меня есть. Отдельная благодарность (и обнимашки) за совет скачать Notepad++.

Вика и Валерия, дорогие, спасибо за Вашу поэзию, она потрясающая!

Люблю вас, девочки!

Все персонажи вымышлены, все совпадения – совершенно случайны.

Часть первая. Жизнь.

***

Проходили глаголы: to teach, а потом to learn.

За окном загорался пожаром могучий клен.

Мы учились любить, мы учили других любить,

собирали в лесах землянику и волчью сыть,

колдовали над чашечкой чая: жасмин, ваниль...

Со старинных диковинных книжек сдували пыль,

убегали под вечер на берег — смотреть закат

и гадать, чьи же песни порою в волнах звенят.

Мы играли, как дети. Мы были тогда детьми.

"Мне не страшно, ты только... за руку меня возьми".

Проходили глаголы: to leave, а потом to stay.

Зажигали фонарь, чтоб в ночи ожидать вестей.

Только ящик почтовый был пуст, телефон молчал,

а фонарь все светил, заливая огнем причал.

Корабли уходили, взрезая собой волну,

оставляя пустынную пристань совсем одну.

Мы к утру возвращались в наш милый уютный дом,
что со скрипом своих половиц нас встречал теплом.

Не дождавшись вестей, мы мечтали однажды вдруг
улететь, убежать, разрывая привычный круг,
к горизонту уплыть, взять отчаянный, новый курс...

"Ты расстроишься, если однажды я не вернусь?"

(Ты ведь в ы ж и в е ш ь, если однажды я не вернусь?...)".

Проходили глаголы: to love, а потом to hate.

Мы мечтали увидеть Канаду, Непал, Кувейт...

Что осталось от нас, и куда все исчезло вдруг?

На замену любви — безнадежность, дрожанье рук
и тяжелая ноша — усталость от горьких дней.

Не спрошу тебя больше о той, что теперь родней
и дороже меня. А на море бушует шторм,
и ветра сотрясают наш брошенный милый дом.

Одиночество, память, молчание и тоска.

"Удивляюсь — она мне как ты... ну, почти... близка".

Проходили однажды с тобою приставку ге-,
но ее не нашли мы в потрепанном словаре.

Так уж вышло, нам больше уже не начать с нуля.

А в объятиях волн засыпает в ночи земля,
и ее безмятежные сны сторожит луна.

А в груди моей рвется со звоном глухим струна.

И, лишенная музыки, еле могу дышать,
созерцая зеркально-стальную морскую гладь.

Надо мной направляет свой луч в темноту маяк.

"Как вернуть все обратно?" — "Пожалуй, уже никак".

Проходили глаголы: to die.

А потом — to live.

Просто ветер у моря отчаянно говорлив,
просто море способно любую лечить печаль.

Мне не жаль нашей прежней любви. Мне уже не жаль.

Осторожные волны сплетают судьбы канву.

"Я ведь думала, знаешь, умру.

А теперь — живу".

Валерия Гусева (Бореалис) (с)

***

Осень 2001 года.

- Все так плохо? – спросила Наташа у одноклассницы – тихой девочки, вечно задумчивой.

В ответ Юля кивнула. По натуре она была немногословной, а сегодня вообще только кивала на вопросы подруги.

Они находились в классе, ели булку одну на двоих, пока остальные дети носились по коридору – большая перемена, раздолье.

- Переходи к нам в Центр жить, - очень серьезно предложила Наталья. – Поговори с Любовью Петровной, она все устроит, - последние слова девочка проговорила подруге на ухо шепотом и скосила глаза в сторону классного руководителя, что как раз зашла в класс нагруженная колбами и пробирками. Женщина глянула мельком на учениц и направилась напрямиком в препараторскую.

- Думаешь, так просто? – со скептицизмом протянула Юля, впервые подав голос за всю беседу, но посмотрела вслед классному руководителю с надеждой. – Хотя, что я теряю. Спасибо, Наташа.

***

Спустя некоторое время после осенних каникул утомленная олимпиадами и бесконечными поездками с учениками по картинным галереям, Любовь Петровна обновляла пометки на инвентаре и мечтала о куда более долгом отдыхе, нежели жалкие пару деньков. Лето так быстро минуло, не успела толком насладиться – все дела, дела. Вытянуться бы на пляже – думала женщина, накрыть лицо старой соломенной шляпой и уснуть под мерный шелест волн. И чтоб косточки старые насквозь прогрелись солнышком. Глядишь, тогда и боли в суставах не так доставали бы. Когда в воображении педагога появился белый, разрезающий волны, теплоход и загорелый дочерна, просоленный морскими ветрами, статный капитан в белоснежном кителе, в двери робко поскреблись, бессовестным образом из грез вырывая.

- Кто там? – вздохнув, отозвалась учитель, и следом за скребком в дверь просунулась золотоволосая макушка Юльки Луновой. – Входи, входи, Юля. Что случилось?

Девочка прошла бочком и остановилась у стеллажа со старенькими барометрами.

- Я, по личному делу, - Юля опустила взгляд, и по всему видно было, что тяжело ей каждое слово давалось.

- Слушаю, - в подтверждение словам, учитель отставила в сторону пробирку, что до того вертела в руках, и присела на краешек стула.

Выдержав небольшую паузу, девочка стала говорить. Запинаясь и отводя глаза, она принялась рассказывать классному руководителю о той сути, ради которой пришла. И по мере разговора, выдавая всякое за годы работы, учительница, не зная, куда деть дрожащие от эмоций руки.

Девочка просила помощи - она хотела поселиться в приют, лишив, таким образом, отца и мать, родительских прав.

Любовь Петровна слушала Юлю и всячески пыталась скрыть волнение, даже жалость к этому несчастному ребенку. В семье у девочки откровенно не ладилось - родители практически не выходили из запоя, о чем женщина знала наверняка - Юля в прошлом году много дней прогуляла, и пришлось ехать к ней домой, чтоб поговорить с родителями. Провести, так сказать, воспитательную беседу. Путь был не близкий, а велосипед старый, и Любовь Петровна злилась, крутя тугие педали. Родители девочки встретили учителя мутными взглядами и поражающим безразличием к поступкам чада. Но тогда еще у классного руководителя были некоторые иллюзии касаясь дальнейшего - она думала, что все как-то наладится.

В скором времени пьянство в семье Юли переросло в откровенное буйство и девочка почти перестала приходить в школу. А когда все же являлась, то сверкала синяками и кровоподтеками как пестрит гирляндами новогодняя ель.

Долго так продолжаться не могло - всякой ситуации есть кульминация и развязка, это Любовь Петровна прекрасно понимала, но вмешаться или подействовать руки не дошли.

Когда в класс Юли пришли две новые юницы - обе Наташки, с одной из которых девочка подружилась, то развязка не замедлила явиться. Судя по всему, Юля сама решила взять в руки собственную судьбу, наслушавшись рассказов о жизни подруги. И это обстоятельство Любовь Петровну восхитило - из-за смелости и воли такого юного еще существа, но такого решительного и не по годам развитого. А еще - самую малость расстраивало, поскольку учитель чувствовала долю вины из-за своего бездействия: быть может, девочка натерпелась страху, который можно было предотвратить, позвони она в социальную службу. Ведь это как нужно ребенка допечь, чтоб он самолично отказался от семьи!

Выслушав ученицу и уняв таки дрожащие руки, Любовь Петровна пообещала помочь и подействовать. Она говорила Юле какие-то слова, которые они обе не сумели запомнить от бушующих в душах чувств, угостила принесенными из дому духовыми пирожками и пообещала себе поговорить с завучем и директором. Но, не успела. Ситуация разрешилась без участия уставшей от жизни и работы, классной руководительницы...

Те девчонки - две Наташки, с которыми свела дружбу Юля, жили в детском приюте, что находился близ школы. И Юля на самом деле решилась на разговор с учительницей из-за рассказов девочек об этом месте.

Как известно, рыбак рыбака издали видит, оттого откровенничать и делиться с Наташками болезненными, еще слишком кровоточащими мыслями, было не так уж и трудно. В ответ новенькие охотно рассказывали о новом пристанище.

Раньше в том доме был санаторий, но из-за недостатка финансирования его закрыли и несколько лет здание пустовало, привлекая своей большой, заброшенной территорией соседских детишек.

И вот совсем недавно здание выкупило частное лицо, организовав в нем приют для сирот.

Наташка рассказывала о центре – так дети называли свое новоприобретенное убежище. Причем рассказывала с таким восторгом, что Юля слушала, раскрыв рот, и в тайне вытирала вспотевшие от волнения ладошки. Ей и присниться не могла такая роскошная жизнь, которой жили дети в приюте. Для нее реальность заключалась в синяках и вечном страхе, от которого постоянно сводило живот.

И вот, решилась. Дело было сделано – разговор состоялся – тяжелый, выматывающий нервы, осталось только дотерпеть, дожить, досуществовать...

А реальность на самом деле не баловала.

В один из вечеров, когда Юля, закрывшись в комнате, читала пятый том «Анжелики», отец завалился домой в компании парочки друзей – в очередной раз, впрочем. Они погудели – долго, знатно, как только могут веселиться люди непрехотливые, разделившие между собой литровку и банку шпрот с парой вялых редисок. Родитель давно скатился под стол в обнимку с приятелем, матушка была в гостях у очередной подруги – такой же надежной, как и ветерок осенний переменчивый, а третий из компании заскучал, да так, что взял да и забрел в комнату к девочке. Взгляд его мутный остановился на хрупкой фигурке, рот – влажный, наверняка зловонный, улыбнулся мерзко, а сам мужчина – небритый, весь какой-то всколоченный, резво на диван уселся, и ладонь широкую на коленку Юле положил.

Нельзя сказать, что такое впервые случилось – за время родительских праздников живота, девочка успела научиться ускользать из дома до того, как может случиться непоправимое. Сегодня только вот зачиталась, и это было опасно, поэтому Юля не стала дожидаться продолжения. Ладонь только-только поползла вверх по ноге, как девочка сильным, неожиданным ударом книги по лицу отбилась от нежеланных прикосновений пошатнувшегося в сторону мужчины, и в течение секунды подхватила на ноги, выскочила на улицу, забыв обуться.

Вернулась домой под вечер – злая, голодная, с порезанной стеклом пяткой. Легла в постель с давно нестиранными простынями и закрыла скорей глаза, чтоб не видеть опостылевшей обстановки, пообещав себе завтра же поторопить Любовь Петровну. Потому что невозможно было жить так. Больше не в силах была Юля терпеть родительское безобразие – ведь это сегодня повезло, а могло и не посчастливиться. Сколько их еще будет – этих самых раз, если Любовь Петровна не поторопится?

Уснула девочка в горьких, злых слезах, но с робкой, тонюсенькой, продуваемой всеми ветрами невзгод, надеждой.

И надо же. Будто кто во Вселенной услышал ее однообразные просьбы. Смиловался и снизошел. Ответил. Пусть не так, как она просила – по своему, но изменив при этом реальность. Полностью.

Утром протрезвевший и какой-то по-особенному бледный, осунувшийся отец, сказал, что в школу она не пойдет. На недоумение дочки он отреагировал странно: опустил глаза и отвернулся. Плечи понуро опустились, но родитель быстро обернулся и сказал:

- Мать умерла.

***

Похороны запомнились плохо - урывками. Юля помнила пятак, что лежал на губах матери и черную траурную ленту на лбу. Выглядела родительница осунувшейся, похудевшей, черты лица неприятно заострились и на себя при жизни мать совсем не походила. Белые нарядные оборки подкладки, коей изнутри была оббита домовина, выглядели особенно нелепо и ярко подчеркивали желтизну кожи покойной. Какие-то куцые цветы лежали по бокам от маленького, усохшего тела, зловонные, их тяжелый, сладкий дух заполнил комнату, в которой стоял гроб. И вместо того, чтоб посмотреть внимательнее на мать - попрощаться, Юля думала о неизвестных, вонючих цветах и гадала, кто их принес. Наверняка, это одна из нескольких сердобольных старушек, кто шептался за спиной о том, что выносить гроб надо обязательно вперед ногами, а то в скором времени непременно еще кто-то помрет, сорвала с огорода неопыляемый пучок бурьяна. Думы в голове путались, сменяли друг друга, а рядом кто-то из тех же старушек, заунывно, с голосистым подвыванием причитал о нелегкой сиротской долюшке, и девочка отошла от гроба подальше, так толком с матерью и не попрощавшись.

Сырая мгла ноября - туман и промозглость, день отпечатался в памяти обрывками - кусочек погоды, несколько фамилий покойников на гранитных надгробиях, красные пятиконечные звезды на памятниках из металла. Три горстки рыжей земли, что бросила на материн гроб. Земля забила под ногти и всю дорогу с кладбища Юля сосредоточенно ее выковыривала заваливающейся в кармане скрепкой. Запомнилась одуряющая пустота - не поняла, не успела понять, что матери больше нет, и никогда больше не будет. Годы спустя обязательно навалится горечь и печаль, боль, но тогда тринадцатилетняя Юля многого не понимала.

Отца арестовали. Когда приехали из милиции - на вызов врача из скорой, что констатировал смерть, выяснилось, что на теле матери имеются ножевые ранения и много старых шрамов - свидетельства о регулярных побоях и поножовщине. До выяснения обстоятельств - сказали тетке, что приехала из другого города хоронить сестру.

Отца посадили на два года - повлияли прошлые аресты и плотно упакованные пакеты конопли на чердаке.

Об этом девочка вспомнила без особого, впрочем, горя, только с тоской безмерной, когда вернулась в опустевший дом, после поминок, где о покойной забыли после второй выпитой стопки.

На поминках тетка горько качала головой, иногда плакала, а завидев Юлю, уводила мужа шептаться. Один из таких разговоров девочка ненароком услышала. Тетка говорила о том, что им необходимо поднимать своих детей, что третьему рту места не найдется. Что денег нет, а кормиться как-то надо. Ее муж веско помалкивал, а тетушка все более воодушевлялась.

- В интернат, - как припечатала, вынесла окончательный вердикт.

Такого Юля допустить не могла. Какой интернат, если есть центр, где всего тридцать детей, в богато обставленных комнатах живут по три человека, а кормят регулярно и вкусно.

Она подошла к родственникам - дома уже, когда вернулись из столовки, и, дернув их за руки, сказала:

- С интерната сбегу. Только в центр.

***

Первое, что бросилось в глаза Юле на территории центра – длинная еловая аллея и большая клумба рядом с ней. Что там растёт, девочка спросила у Наташи, которая встретила подругу у ворот. Оказалось, что на клумбе цветут роскошные черные розы больше полутора метра в длину, и что летом тут стоит просто таки одуряющий, густой сладкий запах. Впервые за долгое время девочка улыбнулась – ей захотелось лета, захотелось вдохнуть глубоко, чтоб даже живот надулся, и почувствовать приятный аромат цветов и счастья.

Прямо у ворот располагалась баскетбольная площадка с новенькой бело-синей сеткой на кольце, на асфальте подсыхала свежая разметка.

- Футбольное поле справа от аллеи, его не видно, но еще помотришь – зимой мы жжем там костры, жарим сосиски, запекаем картошку. Игорь играет на гитаре, а мы поем, – последние слова Наташка мечтательно протянула.

Нашлись еще две широкие качели – ближняя на середине аллейки, дальняя – на том самом футбольном поле. Рядом с дальней, по словам Наташки, стоял отчаянно скрипящий глобус.

- Прикол в том, чтоб повиснуть, ухватившись за перекладину руками. Мальчишки раскручивают – быстро-быстро, но надо держаться, потому что расцепишь пальцы и прости-прощай. Прошлым летом я так улетела в куст крапивы, и при этом так громко клацнула челюстью, что едва не откусила язык, ударившись подбородком об землю. Почти три недели молчала, – пожаловалась Наташка. И столько в Наташкином взгляде было трагедии, что Юля поняла – молчание для подруги было куда хуже чесучих ожогов от крапивы и боли от падения.

Переговариваясь и обсуждая окрестности, девочки подошли к двухэтажному зданию и остановились на резном крылечке.

- Ты, когда зайдешь, не спеши, я тебя познакомлю со своим другом – самым главным обитателем первого этажа, – девочка хитро прищурилась и засмеялась. – Расслабься, Юлька, что ты перепугалась, он безобиден.

Девочки вошли внутрь дома, и у Юли горло сжалось от непонятных эмоций. В помещении было тепло, уютно, пахло чем-то съедобным, отчего рот моментально наполнился слюной.

- Вот! Знакомься, это Рот, ткнула пальцем на стенку Наташа. – Он лучший на свете друг, потому что постоянно молчит.

«Все от того, что ему некогда слово вставить» – тепло подумала Юля.

Все стены первого этажа были расписаны вручную, наверняка, безмерно талантливым художником. Подводный мир – рыбы, самые разнообразные – маленькие и большие, разноцветные, они плавали среди водорослей и всяческой живности вроде морских коньков. Океан будто поглотил этаж и они – девочки, словно стояли на его дне. Стены были высокими, так что приходилось задирать голову, чтоб рассмотреть рисунки тщательнее. Рыба Рот, на которую ткнула Наташа, таранилась на девочек ярким глазом – скосив его прямо на них, и самозабвенно пускала пузыри из открытого рта. Рот пряталась за ламинарией, но водоросли не могли скрыть выдающегося чешуйчатого брюха и развевающихся багряных плавников.

- Вот это, да, – только и смогла сказать Юля, – Здравствуй, Рот!

Наташа провела новую жительницу по всему зданию – показала административный коридор,

столовую, воспитательскую, видеозал. Блоки – мужской и женский, которые на первом этаже были разделены тем самым коридором с администрацией, а на втором соединялись большим балконом.

В каждом блоке оказалось по четыре комнаты, ванная с тремя душевыми кабинками, туалет, комната вроде гостиной, где стоял диван и несколько кресел. В целом места было много: комнаты оказались уютными и светлыми, с самым современным ремонтом.

Жители, что встречались на пути девочек во время ознакомительной экскурсии, с любопытством посматривали на новенькую. Кто-то знакомился, кто-то делал независимый вид и задира л нос – мол, что еще за пришлая малявка.

Юле в приюте очень понравилось.

Ее поселили с Наташками – так как они были одного возраста, да еще и одноклассницами. Девочки против такого отнюдь не возражали, после школы вместе делали уроки, а потом занимались своими девчачьими делами. В других комнатах жили девушки постарше – кто-то заканчивал школу, кто-то уже учился в университете или училище, но в целом атмосфера была довольно дружественной, без дедовщины и насмешек. Так же было и в блоке мальчиков – жили и дружили с одноклассниками, младших не обижали. Разве что подшучивали покровительственно.

Дети были заняты каждую минуту – внутреннее расписание вроде дежурства в столовой, уборки блока, отнимало большую часть свободного времени. В приятную погоду добавлялся час на уборку улицы: летом рвали сорняки, осенью мели листья и каштаны, а зимой чистили снег и соскребали лед с крыльца. Плюс ко всему внешний график – учеба, кружки, спектакли, что активно поощрялось. Времени заниматься глупостями – не было.

Уставали дети порой так, что засыпали до того, как голова касалась подушки.

Большую роль сыграло и то, что руководитель, а также штат сотрудников были людьми верующими. Политика в центре строилась на основе десяти заповедей, и воспитывали детей в том же ключе. Каждое воскресенье все дружно топтали в протестантскую церковь, что серым кардиналом приют опекала и поддерживала. Зарубежные друзья, что инвестировали в развитие центра – тоже были людьми благочестивыми и богобоязненными, поэтому атмосфера в приюте была именно такой – спокойной и размеренной, кардинально отличавшейся от основной массы государственных учреждений.

Конечно, случалось всякое – и обиды, и ссоры, и даже драки, но такие инциденты все же являлись редким явлением, поскольку сурово наказывались. Внеочередным объемом изматывающей работы, к примеру (после долгой воспитательной беседы, разумеется).

Для Юли ложкой дегтя в огромной бадье меда стала та самая помощь по хозяйству. Девочке не составляло труда работать на улице, мыть полы или дергать сорняки. Самым неприятным делом оказалась работа в столовой. Накрыть завтрак, обед, ужин, перемыть горы грязной посуды, кастрюль, сковородок и противней, а потом вымыть столы, полы, и все – с хлоркой. Действо это выматывало, лишало мыслей и внушало Юле беспросветную тоску. Казалось, что запах хлора намертво въелся в кожу – о резиновых перчатках дети помыслить забывали, а сотрудники тем более. И пусть работали в столовой раз в неделю и по двое, этот труд выматывал круче любого другого.

А чего стоила чистка овощей! Мешок картошки и немаленький пакет с морковкой, луком, парой свекл. И снова двое неделеток на мешок корнеплодов, пока другие резвятся на улице, устроив кучу малу на пряных, пахнущих осенью, желтых листьях. И противные овощи все не

заканчиваются, слишком большой нож никак не ляжет в руку удобно, скользкий лук выживается и обязательно плюхается в ведро с водой, брызнув ею точно в глаз! А грязь, что навечно забила под ногти и въелась в кутикулы – три, не три, очистится только после мытья полов с едким хлором. А через пару дней опять – картошка, грязь, дежурство в столовой... Юля возненавидела эту работу раз и навсегда.

***

2003 – 2004 год.

- Юлька, выходи, гуманитарку разбирать идешь? – крикнула с первого этажа Лена.

Девочка закрыла книгу и заторопилась вниз – она любила разбирать коробки, в них часто попадались красивые вещи. Да и кто бы не любил распаковывать заграничные посылки!

Юля жила в центре уже два года. За это время она подтянула учебу, отъелась, и даже перестала шарахаться от других детей. Если раньше была нелюдимая и неприветливая, то теперь завела друзей и могла общаться в свое удовольствие.

Летом они центром ездили в лагерь – на все три месяца и там девочке тоже посчастливилось завести приятелей, чем она самую малость, но гордилась.

Вообще, они много путешествовали по стране, и если поначалу было ого-го как боязно – новые лица, улицы и города, то теперь известие об очередной поездке вызывало трепет в душе, и небольшое, приятное волнение.

- Что ты так долго возишься? – пихнула локтем в бок Лена. – Смотри, какая кофточка, нравится?

- Да, вполне, – улыбнулась Юля и распечатала очередную коробку.

Когда девочки устали рыться в вещах, то вышли на крыльцо подышать и присоединились к ребятам, что уже сидели на лавочке.

- Видели уже новенького воспитателя? – хитро прищурившись, спросила Наташка.

Они с Юлей не смогли стать лучшими подругами, но общались весьма неплохо. Характер у Наташки был такой непостоянный, что обижаться было глупо: она дружила со всеми разом и в тоже время, толком ни с кем конкретным.

- Нет, – ответила Лена и выразительно замолчала, давая девочке продолжить.

- Это сын нашего Сергея Ивановича, – наклонившись вперед, заговорщицки прошептала Наташка.

- И? – не поняла Юля.

У их директора – добрейшей души человека, было пятеро родных детей, и, как он любил говаривать, имелось еще тридцать приемных.

Никогда они с женой не делили детей на своих и приютовских. Было время, когда и ночевали на одном матрасе и ели из одного котелка – чаще в походах, когда ездили на море или в лагерь. Однажды у Юли на побережье порвались сланцы, и она топала к корпусу босиком, а

Сергей Иванович, увидев такое, немедленно сказал своей дочке разуваться. Настя – средний директорский ребенок, молча сняла обувь и протянула свои шлепанцы Юле. Позже оказалось, что в рюкзаке у нее завалялись мокасины и таким образом никто босиком больше не шлепал. А на следующий день Сергей Иванович взял по магазинам всех девочек, и каждая выбрала то, что хотела – на отдыхе постоянно что-то терялось, ломалось и рвалось. В той поездке Юля и познакомилась с семьей Сергея Ивановича, правда, на тот момент старший сын директора учился в столице – по слухам, он заканчивал престижный университет, и Юля его еще не видела, но с остальными сыновьями и лапочкой-дочкой, неплохо общалась.

Поэтому ажиотаж вокруг сыновей директора был ей не очень понятен.

- Пашка, что-ли? – протянула Лена.

Павлу исполнилось девятнадцать и был он вторым по старшинству.

- В том и дело, что нет, – все так же хитро отозвалась Наташка. – Сашка приехал. Отучился.

***

Почему девочек так волнует новый персонаж, Юля поняла во время ужина, когда в столовой вдруг стало очень тихо. Кожей ощутив неловкую, растворившуюся в воздухе, тишину, Юля обернулась и увидела рядом с воспитательницей – круглой и пухлощеклой Ольгой Романовной, высокого светловолосого парня.

- Ребята, представляю вам нового воспитателя блока мальчиков – Александра Сергеевича, – не замедлила приветствовать новенького, Ольга Романовна.

- Пушкина! – радостно перебила Наташка громким шепотом, и от сидящих за тем столом, раздались непочтительные смешки.

Парень перевел на них взгляд серых глаз и скривил губы в саркастичной усмешке. Услышал – поняла Юля, с любопытством и непонятым трепетом рассматривая старшего директорского сына. Парень показался ей интересным. Насколько она могла судить, он был красивым – не той, мужественной красотой, брутальной и грубой, а наоборот – изящной. Он был высок, худ, но при этом имел широкий разворот плеч. Лицо его особенно притягивало взгляд, так как было именно красивым, а не привлекательным или симпатичным: оно имело чистую кожу, миндалевидный разрез глаз, правильный нос, аккуратный рисунок губ – на которых на мгновение остановился Юлин взгляд. Губы были по-настоящему мужские – бледновато-розовые и тонкие, без пошлой пухлости, алого цвета и неприятного влажного блеска. Именно такие губы как у него, будут у ее мужа – вдруг подумалось девочке, и она очнулась от этой внезапной, нелепой мысли, а потом перевела глаза.

Александр Сергеевич как раз смотрел на нее и неприятно улыбался, а потом вдруг брезгливо скривился, уловив ее взгляд. Провел рукой, одетой в кожаную перчатку цвета топленого молока, по светлым, немного завивающимся коротким волосам. И сразу вышел из столовой.

- Черт, – тихо сказала Юля и в шуме, что возобновился после того, как новый воспитатель удалился, ее никто не услышал.

Лежа в постели и слыша, как тяжело вздыхают девчонки на своих кроватях, Юля поняла, что директорский сын надолго занял девчачьи умы. А может быть, и сердца.

Почему он носит перчатки даже в помещении – не могли понять девочки и всю шушукались,

строю грандиозные теории вроде той, что ладони покрыты шрамами, коих стыдится директорский сын.

«Никогда не влюблюсь в него. Никогда и ни за что» - засыпая, подумала девушка.

***

Он оказался не таким, как остальные директорские дети. В Александре Сергеевиче имелся снобизм, большая доля цинизма и во все стороны льющаяся потоками, ирония. То ли столица испортила старшего сына, то ли он от рождения имел характер нарцисса, кто разберет. Притягательная, почти ангельская внешность никак не вязалась с непростым характером и являла собой яркий диссонанс.

Вскоре это поняли сотрудники центра, а следом за ними и дети. Хотя, последние, скорее, ощутили и прочувствовали на собственных шкурках.

Он не делал гадостей, лишь иногда их говорил, и от его замечаний девчонки плакали, а мальчишки сжимали кулаки. И смотрел он... свысока.

Так смотрят на неприятных насекомых, что ненароком забрались в постель, или на людей второго сорта - всяческих маргиналов или еще каких мерзких существ.

Что до перчаток - иллюзии, да девичьи романтические мечты, рассеялись одним прохладным днем.

Дети собирались на субботник, и еще не в полной мере ощутив всю едкость иронии нового воспитателя, потихоньку его обступали и окружали, что-то расспрашивая или переговариваясь между собой. Александр Сергеевич стоял в кругу шумной ребятни, оперевшись ладонями на черенок лопаты, когда кто-то не в меру любопытный громко спросил, почему он носит перчатки круглыми сутками: даже когда ест или читает. Воспитатель отвлекся от своих раздумий и перевел взгляд на руки. На нем сегодня были темно-синие перчатки с тисненым узором на тыльной стороне ладони. Дети притихли в ожидании ответа. Любопытно было всем.

- Потому что мне так хочется? - склонив голову набок, насмешливо поинтересовался парень.

- Ну, правда, почему? - крикнул какой-то паренек из-за спины товарища.

По именам воспитатель детей еще не знал. По правде сказать, плевать ему было на их имена, равно как и на них самих.

- Потому что я брезгую касаться тех предметов, до которых дотрагивались другие руки. А если учесть, что люди трогают все кругом, нет другого выхода, кроме того, чтоб носить перчатки круглый год, снимая их только у себя дома. Еще есть вопросы? Может кому-то интересно, почему в этом приюте кроме перчаток мне хочется надеть защитный скафандр вместе с берушами и противогазом?

Поскольку последнюю фразочку дети приняли на свой счет, ярко ощутив, с какой брезгливостью на них смотрит высокомерный директорский сынок, то через минуту вокруг воспитателя никого из сирот не осталось. Они разбрелись по широкой парковке, разбившись на парочки, с горькой обидой, или даже злобой, что поселились в сердцах.

Александр Сергеевич, оставшись один, только порадовался такому обстоятельству. Вскоре на улицу вышел старший на смене воспитатель, кто выдал детям инструменты и объяснил размер

работы.

***

В дальнейшем дети острее почувствовали пренебрежительность новенького сотрудника, что сделало его изгоем. И пусть дети быстро забывают обиды – не хранят их в сердечках, выметают оттуда, освобождая место новым впечатлениям, робким росткам влюбленности и вообще всему новому, есть вещи, которые забыть тяжело, как не старайся. Были те, кто не простил директорскому отпрыску гордости и брезгливости. Поэтому ни о каких дружеских или даже теплых взаимоотношениях с коллективом и подопечными, не шло и речи.

Александр Сергеевич не садился за общий стол, если там ели дети, он не подавал руки старшим ребятам и всячески ограждал себя от общения с воспитанниками. В скором времени это стало явным. Настолько очевидным, что отец пригласил его к себе в кабинет.

- В чем дело? - без предисловий спросил он.

- Что ты имеешь в виду? - не поведя и бровью, ответил сын, хоть и догадывался о чем пойдет разговор.

- Саша, ты ведешь себя не просто некрасиво, а недостойно. Откуда в тебе столько брезгливости к этим детям? - Сергей Иванович поднялся из-за стола и пересел на диван к сыну.

- По-твоему, я должен якшаться с ними? Совершать набеги на соседскую черешню или тайком выносить пирожки из столовой? Папа, это дети. Пусть не все, но в большинстве – это бестолковые еще существа, с которыми не о чем поговорить. Как я должен вести себя, по-твоему?

- Будь проще, - прямо сказал в ответ отец, - гордость – первый грех. Не будь заносчивым, а вспомни, почему ты находишься здесь прямо сейчас, хотя мог бы получить практику в Праге. Ты останешься тут, сын, доколе я не увижу должных плодов. Ты слишком резок и надменен, чтобы делать карьеру. Я воспитывал тебя излишне мягко, и по-видимому, это придется исправлять сейчас – в таком позднем возрасте.

- Прекрати, - поморщился Александр. - Оставь эту ерунду, которой тебя потчует пастор. Я достаточно самостоятелен, чтобы послать твое воспитание к чертям и открыть свое дело.

Сергей Иванович усмехнулся, но на дне серых глаз залегла грусть.

- Я не дам тебе стартового капитала. В зародыше подавлю попытки добыть деньги в кредит или с рук на руки. Тебе двадцать три, Саша, ты уже не ребенок. Подумай о матери. Ей тяжело видеть, как ты идешь в никуда, гордо задрав нос. Поработаешь в центре – поживешь на зарплату. Я попросил подготовить для тебя комнату в гостевом блоке. Подумай о том, что твое поведение недостойно звания миссионера. И перестань вести себя с сиротами как с прокаженными. Эти дети совершенно здоровы и вменяемы. Не нужно от них шарахаться.

Александр посмотрел на отца со злостью, но не сказал ни слова – видел упрямую складку на лбу, которая появлялась у родителя в моменты ослиной упрямости. Если уж что решил – хоть кол теши.

***

Он жил в приюте уже почти три месяца. Скучных, бесполезных месяца. Ни активного отдыха,

который он так любил, ни приятного общения с противоположным полом.

Конфликт с отцом случился как раз на этой почве. Сын не хотел жить праведно и блюсти библейские законы. Он полагал, что волен выбирать собственный жизненный путь. Отец артачился. Он неизменно напирал на то, что они воспитывали его для великого будущего – служения и прославления слова Божьего. Когда же Саша решил высказать свое мнение, мать схватилась за сердце, а отец заблокировал карту и наказал, как мог – запер в этом сумасшедшем доме, где даже поразмыслить в тишине было негде. Запер для того, чтоб сын подумал и остепенился. Перебесился.

Сложность была в том, что ослиную упрямость имел не только отец – черта эта была присуща каждому из членов их семьи. Саша не просто не хотел перебешивать, с каждым прожитым в центре днем, он раздражался и укреплялся в мысли отойти от отцовских наставлений, канонов протестантства, а также христианского вероучения.

Выжить на мизерную зарплату было сложно, не смотря на то, что он не платил за жилье и еду. Поэтому на четвертый месяц Саша плюнул на развлечения и принялся откладывать каждую копейку. Это сделало его и без того несладкий характер практически невыносимым.

Дети замолкали, стоило ему появиться в зоне видимости. На этот смешной протест Александр Сергеевич кривил губы в сардонической усмешке и выше поднимал подбородок.

Однажды – после особенно жестко высказанного Сашей мнения насчет фигуры одной из девчонок, сопливые козявки – его воспитанники, решили устроить ему темную. Они не знали, что спит он невероятно чутко и их приближение услышал за десяток метров. Саша встретил смельчаков валявшейся под кроватью битой – подарком брата на какой-то праздник. Он закинул ее на плечо и лениво переводил взгляд с одного растерянного лица на другое. Через минуту от сопляков, ввалившихся в его комнату, не осталось и следа.

После этого случая лезть к нему остерегались, лишь изредка огрызались, на что он даже внимания не обращал. Только злился, что заперт в этом обиталище – без денег, без развлечений.

Но особенно сильно его раздражала одна девица. Она постоянно смотрела на него, открыв рот, и следила за каждым шагом. Ее светлые волосы вечно были всколочены, словно она не расчесывалась неделями, а глаза – глубокого зеленого цвета, постоянно округлялись – наивно распахиваясь для всего вокруг. Эта ее доверчивость бесила. Хотелось сказать гадость и следом еще подзатыльника крепкого дать.

Она, кажется, Юлька, напоминала Саше его бывшую одноклассницу. Та точно также глядела – наивно и слезливо. Только, в отличии от этой нечесаной, еще и побирушкой была. Он помнил, как она стояла возле церкви на Пасху, с протянутой рукой, устроившись рядом с алкоголичкой и безруким инвалидом, и тарасилась глазищами в пустоту. Помнится, он тогда подошел и кинул ей железный рубль. Соученица же перевела на него отсутствующий взгляд, и, узнав, пунцово покраснела. Даже слезы на глазах выступили.

Эта Юлька напоминала ему ту лохмотницу, над которой после открывшегося секрета смеялась вся школа. Наверное, поэтому он перенес на девчонку свою неприязнь и брезгливость.

Стоило подумать о ней, как из-под земли выскочила. Вон, идет широким шагом по аллейке, размахивает пачкой жевательных мармеладных медведей. Платице на ней дурацкое, белое, с летящим подолом. Волосы как всегда – рассыпались по узким плечам непослушной гривой. Идет себе, башкой бестолковой вертит, его еще не заметила – сидящего на крыльце.

Вокруг лето, цикады стрекочут, воздух застыл словно кисель, а в нем и вместе с ним – запах роз и конфет мармеладных.

Вот опустила руку в пачку, достала парочку медведей, закинула голову и положила в рот конфеты. Следом облизала пальцы – безыскусно и просто, но Саше почему-то жарко стало. Сглотнул, посмотрел на нее еще раз – шестнадцатый год девице, а ведет себя – дура душой. Учится посредственно, читает вечно какие-то книжки, и допоздна на дальней качели засиживается. Ноги в комариных укусах – на бледной, прозрачной коже хорошо видны розовые, расчесанные кружки.

Заметила его, махнула рукой приветливо, от чего поморщился – опять с разговорами дурачками пристанет.

- Александр Сергеевич, здравствуйте! – села рядом с ним, бесцеремонно вторглась в личное пространство, зная не зная о существовании последнего.

А еще – напроочь проигнорировав в его глазах недовольство такой близостью.

От нее пахло конфетами и ромашковым шампунем, а от тела мерно исходило тепло. Он почувствовал его через тонкую ткань футболки.

- Вы не на смене сегодня? – продолжая жевать, поинтересовалась Юля и протянула ему ополовиненную пачку с конфетами. – Хотите?

Александр Сергеевич посмотрел сначала на упаковку в ее руках, потом поднял глаза на лицо – бледное, с несколькими конопushками на капризно вздернутом носе, остановил взгляд на ее бездонных глазах и отрицательно покачал головой. А потом, словно спохватившись, скривился и поморщился:

- Не ем эту мерзкую гадость.

- Ну и зря, – совершенно не смутившись, ответила Юлька. – Вкусно очень, – сказав, запустила руку в пакет, достала двуцветного мишку и поднесла к губам, а потом повернулась к Александру: – Точно не будете?

Он как замороженный смотрел на ее тонкие пальцы с аккуратными лунками ногтей, держащие конфетку у самых губ. Облизнулся – совершенно ненамеренно, и зло тряхнул головой:

- Сказал нет, значит, нет, что пристала?

Юля пожала плечами, положила медведя в рот и встала с лавочки, взмахнув напоследок летящим вокруг стройных ног, белым подолом.

***

Он ей нравился. Так нравился, что даже стыдно было признаваться. Почти все девчонки сохли по нему – кто в тайне, кто, жалуясь вслух. Они все вместе на него смотрели, разинув рты, а он не обращал внимания ни на кого.

И это коллективное обожание сблизило девчонок, что было парадоксальным, и казалось совершенно нелогичным. Они обижались, что все их старания – тщетны, а потому стояли друг за друга горой и строили новые и более изощренные планы по взятию крепости.

Юля не обсуждала свое большое и светлое чувство ни с кем, и девочки даже не подозревали об ее тайне, поэтому Юля была вне культа обоготворения Александра Сергеевича.

Она ругала себя, что нарушила зарок, что совершенно нечаянно влюбилась в недоступного, далекого как Юпитер, парня.

Он казался ей самым-самым. Красивым, изысканным, модным.

Да, его не любили ребята и девочки постарше. Воспитатели тоже отзывались с прохладцей.

Но, разве много нужно подростку, чтоб наделить своего возлюбленного наилучшими человеческими качествами? Пусть Юля и замечала снобизм, а также заносчивость старшего директорского сына, но отмахивалась, старалась быстрее из памяти стереть недостойные деяния молодого мужчины. Ей было уже от того приятно, что может видеть его каждый день и любоваться издали, лишь изредка перекидываясь парой ничего не значащих слов.

Так было ровно до одного события, которое вдруг открыло Юле глаза, заставило прозреть, хотя по своей значимости событие это не могло сравниться с другими – бывало ведь и хуже.

В очередной летний вечер, после заката, они с ребятами ватагой сидели на крылечке – любимом месте для болтовни и поедания чипсов. Спорили о пустяках – кто какую машину в будущем хочет.

- Я бы Вольво хотел, - авторитетно заявил Марк.

Он оканчивал техникум, и уже искал работу – автомехаником, по специальности.

- Там движок что надо, - закатил глаза мечтательно, потом захрустел вытасненным у соседа из пачки сухарем.

- А я, Мерседес, - заспорил Ванька.

Юля помалкивала, так как совершенно не представляла, какую машину себе хочет.

Из темноты аллеи показался Александр Сергеевич и дети замолчали. Услышь он, о чем они только что болтали – высмеял бы. Как пить дать, высмеял бы.

Воспитатель был не один, рядом с ним важно вышагивала приезжая пасторская дочка. Они о чем-то увлеченно разговаривали и даже смеялись.

Остановились возле крыльца, и, не замечая притихших ребят, продолжили разговор, будто наедине были.

- Да ладно, видно же, - запрокинув голову, засмеялась Олеся – та самая пасторская дочка. – Они все по тебе сохнут, Сашка, неужели не заметил? Я еще на служении обратила внимание – глазами тебя провожают, да в рот заглядывают. Любую выбирай и хоть завтра – под венец!

На этом заявлении они оба вдруг посмотрели на Юльку, что в уголок старалась забиться и оказаться невидимкой. Александр Сергеевич прищурился, смерил девушку внимательным взглядом и нарочито громко, так, чтоб всем слышно было, сказал:

- Я никогда не женюсь на центровской. Ни за что на свете, - губы его презрительно скривились, будто и не про людей рассуждал, а про козявок.

- Что так? - довольно улыбнувшись, спросила Олеся и манерно закусила нижнюю губу.

Под светом фонаря, где стояла парочка, все ужимки и мимика были отчетливо видны.

- Все они слишком бесцеремонные, шумные, их видно за версту: как среди благородных выделяются плебеи, так и центровские рядом с другими людьми - белые вороны. Иметь рядом такую вот кликушу - нечесаную, недалекую, упаси, Всевышний.

Что он хотел сказать дальше, Юлька слушать не стала. Поднялась с лавки и, гордо выпрямив спину, зашла в здание.

Слова его - как раскаленным железом по коже, такой же болью на сердце легли. Заклеймил. Кто она, и кто он - плебейка и золотой мальчик. Ведь в чистом виде мезальянс.

В тот вечер девочка впервые задумалась о неравенстве в обществе и то, к чему привели думы, ей совершенно не понравилось. Касты и клише, ярлыки и несправедливые клейма - у каждого алели на лбу. Чей сын, в какой семье рос, кто родители, где учился, и какую получил профессию - попробуй только не соответствовать, сразу загнобят, лишат своего царского внимания, плюнут в лицо просто за то, что ты - другой. Из другого теста слепленный, в другой среде возвращенный.

От этих мыслей сделалось нехорошо. А еще было жалко, даже больно разочаровываться в возлюбленном.

- Ну и катись, - в сердцах бросила Юля в пустоту и впервые за несколько лет, расплакалась.

***

Через неделю они с ребятами уехали отдыхать на побережье - без Александра Сергеевича. Там Юля всячески отвлекалась и старалась не думать о своей глупой и навечно безответной любви.

Следом за летом пришла осень, девушка перешла в одиннадцатый класс. Следовало выбрать специальность и всерьез задуматься о будущем, поэтому мысли о директорском сыне она давила в зародыше.

Он все еще жил в центре, был по-прежнему неприветлив и хмур, но теперь до этого Юле не было дела. За ней принялся ухаживать соседский мальчик, который каждый день приходил к ним на территорию играть в баскетбол. Они с ребятами гоняли мяч - толкались и порой кричали, а девочки лузгали семечки, сидели на парапете у парковки, рядом с которой и стоял щит с корзиной. Ребята - соседские вперемежку с обитателями приюта, то и дело носились вокруг - прямо у ног, девчонки от такого дела повизгивали и, в целом, эти вечера приятно скрашивали даже унылые учебные будни.

Парня, что пригласил Юлю на свидание, звали Алёшей. Он был милым парнем, с которым весело было болтать о пустяках, и на встречу девушка согласилась.

Где одно рандеву, там и два, ведь Лёшка, в самом деле, был интересным и нескучным.

Однажды, когда они с Юлей как раз возвращались из кафе, недалеко от центра случайно встретили Александра Сергеевича.

Он глянул на них мельком, а когда понял кто перед ним, то впился в Юлю внимательным взглядом. Что это был за интерес Александр и сам не понял - то ли ехидное злорадство, то ли

любопытство. Она изменилась за лето, вытянулась, немного загорела – как загорают светловолосые: лишь немного покрываясь бронзой. Волосы ее были аккуратно уложены, и оказалось, что у нее высокая, тонкая шея, лепные скулы и чистая фарфоровая кожа. Да и вела себя Юля с бесспорным достоинством: спина прямая, на красивом лице мягкая улыбка, шаг легкий, движения плавные. Одета была в темно-бардовое платье, что выгодно обрисовало тончайшую талию и стройные ноги.

- Добрый вечер, - первой поздоровалась девушка, и Саше сделалось досадно.

С каких это пор он перестал быть элементарно вежливым?

- Здравствуйте, - светским тоном ответил он, и перевез взгляд на спутника девушки.

Парень показался Александру излишне брутальным – такой себе бестолковой горой мышц, с бычьей шеей и маленькой головой на плечах. Одет был качок в джинсы, белую футболку, а также кожаную курточку – она так тесно сидела, будто втиснулся в нее парень с большим трудом. Куртка поскрипывала и грозила вот-вот лопнуть по швам.

Вот что за пижон, подумал Саша – ведь смешон и только. А Юля, рядом с таким громилой, смотрелась по-особенному хрупкой, легкой.

Кавалер кивнул безразлично на приветствие и переключил внимание обратно на девушку.

Александр Сергеевич немного отстал, давая парочке пройти вперед, и принялся наблюдать. Не то, чтобы ему было очень любопытно, но забавной встреча казалась по определению.

Они – совершенно не смотрящаяся вместе парочка, как раз остановились у ворот. Юля подняла голову, улыбнулась мило и что-то сказала. Наверное, благодарила за вечер. Парень улыбнулся в ответ и Саша подивился – как изменилось серьезное до того лицо. Словно светом озарилось. Потом кавалер взял Юлькину руку – запястьем вверх, и поднес к своим губам. Поцеловал медленно, не сводя с нее своих темных глаз, а она смущенно улыбнулась, показав милые ямочки на щеках и белые ровные зубы. Потом нежно отняла руку, еще раз подарила улыбку и, не оборачиваясь, зашагала к дому.

Саша сам не понял, что его так смутило и разозлило. Словно в замочную скважину подсмотрел. И то, за кем именно – еще более ошеломляло.

Ему до этой странной девочки никакого дела не было. Она всегда незримой тенью за ним ступала, он и привык, что тень эта – всегда за спиной. Когда только за ним бродить перестала?

В тот вечер Саша неприятно удивился метаморфозам в Юлином поведении – и впервые обратил на нее свое пристальное внимание. Она перестала реагировать на него, взамен предпочтя соседского парнишку и это было... Досадно?

В два счета он нагнал хрупкую фигурку. В сгущающихся сумерках ее почти не видно было – только волосы золотой волной по спине стекали.

- Что, женишка нашла? – спросил он мимоходом, и, обогнав девушку, преградил ей путь.

Они остановились на том самом месте, где Александр бросался громкими словами и мел хвостом перед пасторской дочкой – под фонарем, который сегодня не горел – не зажгли еще.

Лиц в темноте было почти не видеть, только угадывать да додумывать. На втором этаже то тут,

то там свет горел, где-то вдали визжали детишки, носясь по двору, и только у крыльца было пустынно.

- Отчего же сразу жениха? - пожала плечами Юля. - Просто общаемся.

- И как, нравится? - самого себя удивил, когда спросил это.

- Полагаю, это не ваше воспитательское дело, - закинув голову и посмотрев в глаза молодому мужчине, ответила девушка.

Обошла его по широкой дуге, насмешливо вспомнив, как он не любит вторжения в свою зону комфорта и, улыбнувшись непонятно чему, зашла в дом.

***

Юля все чаще стала занимать его мысли. Саша понял это одним осенним вечером, когда дождь заунывно выстукивал монотонный ритм по стеклу. В комнате было полумрачно, и на тело такая лень навалилась, что с дивана не подняться. Спать было рано, и Саша лениво листал какой-то журнал, неизвестно как попавший к нему в комнату. Недавно его навещали друзья, может статья, от них издание и завалилось. Журнал был интерьерный с кучей иллюстраций. Перевернув страницу, Саша наткнулся взглядом на комнату в темно-бардовых тонах, и в голове тут же вспыхнул Юлин образ - грациозно ступающей на высоких каблукках, в ярком платье, идущей рука об руку с темноволосым парнем, затянутым в черную куртку-косуху. Саша видение отогнал и рывком сел на диване. Слово в мозги въелась - подумал он.

Снова устроившись на софе - закинув ноги на спинку, Саша откинул прочь журнал и закрыл глаза. Мысли вернулись в прежнее - безопасное, но не очень-то приятное русло. Вспомнился последний разговор с отцом - тот, отчаявшись дожидаться от сына адекватного и быстрого решения, гневался и даже срывался на злой шепот.

- Сколько так может продолжаться? - рычал родитель. - Ты ничего не предпринимаешь уже почти год. Если до лета не одумаешься, отправишься учиться в университет богословия.

- Перестань навязывать мне свой образ жизни, мысли и вероисповедания, - в ответ ошетинился сын, - Сам разберусь в своей жизни!

- Я тебе все сказал, - в очередной раз рубанул воздух рукой Сергей Иванович.

Теперь Александр отчетливо понимал, что придется принимать судьбоносное решение и сделать это необходимо быстро. Быть церковным служителем он не желал, прятаться за спиной у семьи и висеть на их шее обузой он тоже больше не мог, поэтому всерьез задумался о развитии собственного бизнеса. У него имелась накопленная сумма, но она воистину была мизерной для стартового капитала. Именно поэтому он решил уехать на заработки за границу, и там сделать первые шаги к становлению бизнеса. Решение далось легко и, приняв его, у Саши, будто камень с души свалился. Пусть перечить отцу, и идти наперекор его воле, было неприятно, но жить так, как велел батюшка - было куда хуже. Саша всегда выбирал меньшее из зол.

Касаемо религии... отношения с Богом у парня были слишком запутанные, и он сам в них не мог разобраться. Александр, в свои двадцать четыре грешил осознанно - иногда сожалел об этом, иногда нет.

Впрочем, это не мешало ему верить.

За окном окончательно стемнело, дождь продолжал настукивать простенький мотивчик, и Саше вдруг очень захотелось чаю. Большую кружку крепкого, черного, с круглой долькой лимона. Так захотелось, что он не поленился – встал, достал с полки свою пол-литровую чашку и отправился в столовую.

Чайник засвистел, Саша снял его с электроплиты, налил в заварочный чайник кипятку и накрыл его крышкой. Парень скучал, рассматривал белый кафельный пол с не менее белоснежной затиркой на швах, ждал, пока заварится напиток, когда снаружи послышался громкий возглас полный боли.

Его тут же потянуло выйти и посмотреть – что случилось. Признаться, желание это было болезненно-странным, так как раньше Саша не замечал в себе подобного любопытства. Скорей всего дело было в том, что он узнал голос. Да и как не узнать его было, если въелся в память намертво.

У подножия лестницы сидела Юля и двумя руками держалась за распухающую на глазах, лодыжку.

- Кто бы сомневался, - буркнул Саша и грозно продолжил:

- Что случилось?

Девушка подняла на него глаза, полные боли и от того мутные, без всякого выражения. Лицо ее заливала нездоровая бледность, особенно побелел лоб и крылья носа.

- Да чтоб тебя, неужто сломала? – Саша рывком приблизился, сел на корточки, – Дай, посмотрю, - и, не ожидая ее позволения, прикоснулся пальцами, затянутыми в перчатки, к обнаженной коже.

- Не трогай, больно, - прошептала Юля, и вцепилась ему в рукав, забыв, что надо на «вы» и с уважением.

- Дай, вправлю, сейчас как новенькая будешь, - не давая возразить, Саша вдруг так за ногу дернул, что Юля зажмурилась – перед глазами четные точки замелькали. До крови губу прокусила.

Но, боль тут же схлынула, только ноющая пульсация осталась и отек.

- Ты куда неслась, оголтелая, да еще и после отбоя, - взялся за менторский тон Саша.

- Не ваше дело, - огрызнулась девушка, и спрятала лицо в ладонях.

Ей вот-вот Лёшка позвонить должен был, а телефон внизу. Вот и неслась через три ступеньки. Наверху все уже спали, а она отпросилась у воспитательницы поболтать пять минут. И вот.

Александр Сергеевич смотрел на нее с едкой усмешкой, словно все ее нелепые тайны наизусть знал. И эта ситуация, а в особенности прикосновение его рук: даже сквозь ткань перчаток тепло ощущалось – волновали, и сердце отчего-то быстрее стучало.

- Лед положить надо, или долго еще болеть будет, идем, - на этом Александр Сергеевич вдруг легко подхватил ее на руки и понес в столовую.

Юлька даже пискнуть не успела. Уткнулась носом в ямочку на его шее и задышала часто. От

него пахло чем-то цитрусовым, очень мужским, приятным. И то ли это парфюм был, то ли запах его кожи, Юля так и не поняла.

Он усадил ее на стул и достал из большой морозилки заиндевевший кусок мяса замотанный в пищевую пленку. Потом нашел кухонное полотенце, завернул в него мясо и подал девушке.

- Спасибо, - пробормотала она и приложила компресс к лодыжке.

- Взялась на мою голову, - почти беззлбно пробормотал воспитатель и крикнул из кухни:

- Чай заварился, будешь?

Юля кивнула, забыв, что он не видит, а потом ответила вслух:

- Буду.

Через пять минут Александр Сергеевич поставил перед ней кружку, прошел мимо и закрыл дверь на ключ - изнутри. На удивленный взгляд девушки пояснил:

- Чтоб никто любопытного носа не совал. Нам ведь не нужны слухи и дурацкие сплетни?

Юля поглядела на него задумчиво и согласно кивнула.

Она дула на горячий чай, искоса посматривала на хмурого парня напротив, и понимала, что такой шанс ей вряд ли представится. Поэтому она сделала глоток для храбрости и спросила - просто, без изысков и напускного жеманства:

- Саша, ты всегда такой?

Он, казалось бы, удивился. Да так, что забыл сделать замечание касаясь «тыканья».

- Какой «такой»?

Юля поставила чашку на стол.

- Грубый, нелюдимый.

- А это - плохо? - прищурился в ответ парень.

Девушка опустила глаза.

- Ты гордец. Это - действительно плохо.

- С каких это пор соплюшки вроде тебя - стали учить меня и наставлять на путь истинный? - парень взял себя в руки и криво улыбнулся в своей излюбленной манере.

- Я не настолько младше, чтоб быть соплюшкой для тебя, - в Юлиных глазах загорелись искорки неудовольствия.

- Восемь лет - ощутимая разница, - ответил Саша и сделал из кружки большой глоток.

- Ты так говоришь, будто я тебе в невесты напрашиваюсь. Я помню твое безапелляционное мнение, так что не уточняй. Но я уже достаточно взрослая, чтобы сказать, что ведешь ты себя по отношению к нам - как самый последний кретин.

- Вот как. Девочка выросла и узнала грязные словечки. А если б позвал - пошла бы? Замуж за меня, пошла бы?

Последний вопрос вылетел изо рта не прошеным воробьем. Саша рот закрыл, но было поздно.

Юля округлила глаза, и он узнал этот ее взгляд - доверчивый и открытый нараспашку.

- Ты смеешься надо мной, да? - поглядела на него печально, а потом с тяжелой грустью спросила Юля.

- Да, смеюсь, - ответил он.

Сидеть напротив, смотреть в красивое лицо, зная, что он издевается - было безмерно тяжело.

Как бы Юля не старалась, все равно не смогла до конца изгнать из сердца чувства к этому негодю. Он там занозой остался, шрамиком изредка саднящим. Это странное чувство к мужчине - неосознанное влечение на уровне физиологии, феромонов - оно либо есть, либо его нет вообще, но тогда еще девушка не понимала очевидного. Не знала, что никак от этого наваждения не избавиться, не прогнать. Мала была, чтоб анализировать серьезно и отвлеченно.

Смотрела на Александра Сергеевича - старшего директорского сына, воспитателя мужской половины и понимала, что не пара они. И никогда ею не станут. Обидно было, что читает ее как книгу открытую и видит насквозь. Что чувства ее нелепые - для него не тайна вовсе.

И повзрослела в тот миг на десяток лет вперед - на интуитивном уровне почувствовала, что должна сделать.

Встала, бросив на стол подтаявшее мясо, прохромала мимо, и не одарив его даже взглядом напоследок, уже у двери сказала, не повернув головы:

- Никогда не говори «никогда», Саша. Не зарекайся. Потому что судьба назло всё вверх дном перевернет, с ног на голову поставит.

***

Он уехал через неделю, напоследок в пух и прах разругавшись с отцом.

С Юлей попрощался своеобразно. Так, что надолго запомнил ее взгляд и прикосновения нежные.

Увидел ее на заснеженной аллее - одиноко бредущую фигурку среди нарядных, пышных елей, и на мгновение позволил себе стать подлинным - тем мальчишкой, что жил в нем, запертый в клетке условностей, рамках из заповедей и моральных законов.

В тот момент ярко вспомнилось, как месяц назад они возвращались из церкви всей толпой: шумной, смеющейся. Точно так же снег лежал и поблескивал на солнышке сотнями искринок. Мальчишки ваяли тугие снежки, хотя снег лепился неохотно - морозец стоял, и бросали в девиц, а те пищали да визжали на всю улицу. Прохожие на них оборачивались, и Саша подумал, что со стороны их орава кажется бандой дикарей. Но, на удивление это не разозлило его, только рассмешило. Он хмыкнул себе под нос, ухватил за пояс чуть не выскочившего на дорогу ребятенка - совсем мелкого, что недавно в центр попал. Собрался было наорать на бестолкового, как услышал позади ввевшийся в сознание голос:

- Марк, дай мне!

Судя по всему, попросила тугой снежок. Сама бы такой комок - увесистый, плотный, ни за что б не слепила. Саша оборачиваться не стал, отпустил мелкого, повизгивающего пацана на ноги, и принялся ждать развития событий. Он не сомневался - знал, в кого она бросит. И через несколько секунд в спину ему - аккуратно между лопаток попал тот самый снежок. За плечом послышались смешки и шепоток, а Саша про себя улыбнулся: попалась, козочка. Сейчас он ей за все отплатит, умыв симпатичное личико чистым январским снегом.

Обернулся, и как крейсер льды разрезает, сквозь разношерстную толпу на нее попер.

Юлька сперва не поняла в чем дело, а когда он почти к ней подошел, резво кинулась наутек, при этом мелко попискивая и не разбирая дороги куда бежит.

Как же его рассмешило ее ребячество! Но, виду не показал, в два счета догнал и ухватил девушку за шиворот.

- Не надо, тушь потечет! - залепетала Юлька, вмиг угадав его намерения.

Повернул ее лицом к себе и совершенно неожиданно засмотрелся. Мороз слегка размягчил ее щеки, губы приоткрыты были, и дышала Юля сбивчиво от бега. Глазищи круглые, насыщенного глубокого цвета - никакие линзы не сравнятся. В глазах этих лукавые искорки и затаенное удовольствие от его близости. Ведь стоят, прижавшись, друг к другу тесно. Шапка, с совершенно дурацким помпоном, сбилась набок, а волосы из под нее золотой рекой так и текут...

Вспомнил Саша, как тогда ему захотелось к губам алым прижаться, как навязчиво потянуло, что он даже наклонился к ней ближе - к самому носу. Кто-то за спиной восторженно заулюлюкал и звук этот его отрезвил. Ведь дети - дети-то смотрят!

Отпустил девушку - один за другим разжав пальцы на ее воротнике, и отметил вспыхнувшие искорки разочарования в глазах. Наклонился, зачерпнул снега - самую малость. В его большущей ладони поместилось бы много, но он Юльку пожалел. Так, щепотку ей за шиворот сунул, чтоб хоть как-то свою близость с ней оправдать.

В день отъезда - когда он смотрел на бредущую худенькую фигурку, вокруг не было детей, вообще никого не было.

Поэтому Саша быстро нагнал ее, схватил за плечи, притянул к себе близко-близко и поцеловал.

Сначала прижался сухими, холодными губами к ее - мягким, с привкусом мяты. А Юля губы раскрыла, лизнула его несмело, от чего застонал, обхватил ее за талию, а она лицо его в ладони взяла. Сплелись языками - и жарко стало обоим, хоть на улице мороз с каждой минутой крепчал.

Когда стали задыхаться и почти в снег упали, Саша нашел в себе силы отступить, запахнуть на Юле курточку непонятно как расстегнувшуюся.

- Жаль, что мне не достанешься, - бросил напоследок и ушел, не оборачиваясь.

Как в душу плюнул.

Уехал, и ни о чем не жалел, потому что был уверен в своем поступке и принятом решении.

***

В Штатах у Саши жил друг, и он остановился у него, пока искал работу. Через некоторое время фортуна ему улыбнулась, подвернулась неплохая вакансия. Он ухватился за шанс обеими руками.

Не так себе представлял работу, далеко не так, но скрипя зубами и не отдыхая по несколько суток, он трудился. Через полгода имел железную репутацию, еще через год весьма неплохую сумму денег.

Работа его поглотила – оглянуться не успел, как еще несколько лет прошло.

Давно ничего не осталось от того юнца, каким он с родными прощался. Юношеский максимализм – растоптанный и зарытый где-то глубоко, забылся, выветрился из характера.

В двадцать восемь он решил съездить на родину – повидать отрекшихся от него, родных.

***

2008 год.

- Инка уже заждалась, Юля, ты идешь? – голос на том конце провода казался возмущенным.

- Иду уже, через пять минут буду, - сбросив вызов, Юля мазнула блеском по губам и мельком глянула в зеркало, но потом возле него задержалась.

В прошлом месяце девушке исполнилось двадцать, и на праздник она получила роскошные золотые серьги, на которые сейчас и смотрела в отражении зеркальном. Сергей Иванович подарил. От мысли о директоре и его семье у девушки вспотели ладошки. Столько лет прошло, а она все никак...

Юля уже два года не являлась воспитанницей приюта, так как после совершеннолетия дети вольны были как птицы перелетные – вот как Инка. Сегодня подружка как раз справляла проводы, на которых Юлю жаждали видеть. Но, не смотря на законы приюта, Юля все еще жила на его земле: зарубежные шефы отстроили на территории несколько мини-коттеджей, в одном из которых девушка и поселилась. Платила символическую цену за аренду жилья и за коммунальные, иногда помогала в приюте – воспитателя заменить или подсобить по мелочи. Такая ситуация вполне устраивала девушку: жилье – в родном краю, знакомой атмосфере, пять минут до транспортной развязки. Да и что говорить, ее устраивала материальная сторона вопроса – на стипендию хоромы в городе не снять, а тут: двухкомнатный домик с ванной и кухней, обставленный всем необходимым, с современным ремонтом.

Девушка училась на четвертом курсе в престижном университете, и все ее свободное время занимала учеба: не было времени на подработку и шашки, поэтому она довольствовалась стипендией.

В целом, своей жизнью Юля была довольна. Она планировала съехать из центра по окончании университета – когда найдет работу и сможет обеспечить себе жилье в городе. А пока же – все было размеренно, налажено и стабильно.

Сергей Иванович – заметно поседевший, но руководящий приютом железной рукой, Юлины намерения одобрял и всячески поощрял. Девчушка ему нравилась: она была целеустремленной, хорошо училась, и мужчина предполагал, что она сделает блестящую карьеру. С одной стороны директору претило выделять любимчиков среди выпускников, но с другой – ведь, в самом деле, было за что помогать и поощрять.

А уж после того, как старший сын вернулся из-за границы, Сергей Иванович заметно размяк, и в некоторых вопросах был уже не так суров и категоричен.

***

В торжественном зале были накрыты столы, сотрудники и дети общались группками – по несколько человек. Проводы были в самом разгаре.

Юля подошла к Инне, которая совсем не выглядела печальной – улыбалась, и в движениях ее порывистых угадывалась нетерпеливость. От родителей Инне досталась однокомнатная квартирка в спальном районе, так что нетерпеливость Юле была понятной. Въехать в свое жилье – наверняка удовольствие.

- Все к переезду готово? – спросила Юля и окинув стол взглядом, выбрала себе блюдо с фруктовой нарезкой.

- Еще на прошлой неделе все было готово. Переклеила обои, купила палас новый, так что да, - Инна махнула кому-то рукой из-за Юлиной спины.

- Здорово, - улыбнулась подруге девушка.

- А ты, так и будешь тут киснуть? – нахмурила нос Инна.

- Почему же сразу киснуть? – удивилась Юля. – Еще год поживу, а там – как видно будет.

- Понятно. Ну, дело хозяйское. Я б конечно на твоём месте уже давно съехала – надоели правила. Гулять до одиннадцати, вино не пить, - Инна пожала плечами, а Юля улыбнулась ей напоследок и отошла к кучке друзей, что шептались возле двери.

Прощание с Инной закончилось поздно вечером запуском китайского фонарика. Марк, что вызвался его зажигать – чуть не спалил себе брови вместе с ресницами, и это обстоятельство всех невероятно развеселило. Посмеялись, обняли Инну по несколько раз, пожелали не зазнаваться и приходите в гости, посадили ее в такси и потихоньку разбрелись.

После проводов на душе у Юли поселилась грусть. Нельзя сказать, что с Инной они были особенному дружны, но отчего-то слова подруги о том, что зря она продолжает ютиться в приюте – резанули по коже, словно бумагой – остро и глубоко.

Вроде бы мотивы, поступки были ясны и логичны – по крайней мере, самой Юле казалось именно так. Живет в центре – пусть и отдельно, потому что это выгодно и удобно. Но, если бы девушка возжелала копнуть немного глубже, непременно бы выяснилось, что не так все просто. Она гнала прочь мысли об этом, но нет-нет, да и проскакивала шальная: не хотелось уезжать, потому что только это место могло связать ее и Сашу – директорского сына. Если и могли они пересечься – то только здесь. Нет, Юля давно перестала надеяться – она не была наивной, но старая память о былых деньках приятно согревала душу.

В личной жизни был полный штиль – уже почти год как девушка рассталась с кавалером – тем

самым Лёшей, что ухаживал за ней в юности. Еще в те времена их отношения были странными: ребята то гуляли вместе по паркам, кафе, ходили в кино, то могли не созваниваться по несколько месяцев. При этом никакой серьезной связи между ними не было: даже поцелуев. Можно было бы назвать такие взаимоотношения дружбой, если не принимать в расчет то, что Алексей хотел большего. Он порывался развить отношения – обнимал, пытался поцеловать, но девушка ясно давала понять, что пока не готова. Так длилось до тех пор, пока она не поступила в университет. В начале второго курса Лёшка снова появился в ее жизни – на этот раз надолго. Ухаживал настойчиво, но из этого опять ничего не вышло. Он был милым, но недостаточно решительным, слишком мягким – хоть веревки вей. Такой типаж Юле был не интересен, поэтому когда Лёшка снова исчез и появился только на следующий год, девушка поняла, что повела себя правильно. Допусти она близость с ним, страдала бы от таких диких отношений, а так – странная дружба, привязанность приятельская и ничего более. Так что, рассталась – вполне подходящее определение для того, чтобы описать события на любовном фронте.

На этом в отношении личной жизни похвастать Юле было нечего. Она много училась, но синим чулком не была: любила порой развлечься с друзьями, особенно ей нравилось гулять лунными ночами по неоновому городу, забредать на ночные сеансы в кино, и, закатив глаза в экстазе – есть сладкий попкорн. В такие моменты она ощущала счастье и полную гармонию.

На недоуменные вопросы подруг – почему она не встречается с ребятами, когда желающих хоть отбавляй, Юля пожимала плечами.

К концу третьего курса пошел слух о том, что Юля – больше по части девочек, и кто только до такого додумался – девушка не знала. Ей было все равно. Уж лучше так, чем признаться в том, что как самая последняя простушка влюблена в недоступного принца из параллельной вселенной.

Да, в минуты слабости она находила храбрость признать себе – влюблена. Как маленькая, наивная, восторженная пастушка: все еще влюблена в Александра Сергеевича. Наташка бы еще добавила «Пушкина», но в такие отчаянные мгновения Юле было не до шуток. Она не знала, как выгнать из сердца прочь образ директорского сына. Она помнила каждую из его улыбок, идеальный изгиб бровей и самые красивые, но холодные глаза, какие только ей доводилось видеть.

Наверное, если бы он женился, она вычеркнула бы его из памяти, вымела из сердца. Но, по обрывкам сведений девушка знала, что Саша работает за границей – как проклятый работает, и что ни о какой помолвке и тем более свадьбе, речь даже не идет.

Поэтому Юля просто жила – позволяла себе любить, но еще и усердно училась. Она хорошо помнила наставление Елены Павловны – добрейшей души женщины, что работала в центре поваром. Однажды, когда девушка – на тот момент еще школьница, дежурила в столовой, то позволила себе расслабиться: наблюдала через окно за Сашей. Он работал на улице вместе с мальчишками, а она стояла, уперев лоб в прохладное стекло, и вздыхала тяжело, забыв, что пора нарезать хлеб к обеду. Елена Павловна подошла неслышно, обняла за плечи и спросила:

- Нравится тебе наш Александр Сергеевич, да?

Девочка ничего не ответила, ведь и так ясно стало, что раскрылась тайна.

- Такие как он – не выбирают простых смертных, – не обращая внимания на молчание девочки, продолжила женщина, – Они влюбляются в самых лучших, достойных. Если хочешь понравиться ему, то стань интересной, выучись.

Юля тогда так ничего и не ответила, но совет запомнила. А Елена Павловна никому ее секрет так и не выдала.

И вот теперь девушка целенаправленно шла к своей мечте – зубрила, учила, повторяла, и так по тысячному кругу продолжалось. Она изучала языки, делая упор на английский и французский, учила грамматику и осточертевшие формы глагола, фразеологические обороты. В следующем году ей обещали практику за границей, и девушка с нетерпением и затаенным страхом ждала этого опыта.

***

Они встретились случайно – схлестнулись, пересеклись. Да так, что у обоих что-то в груди подскочило.

Юля возвращалась из университета – голодная, усталая. В сумке пудовой гирей тяжелел вымоленный у одногруппника словарь: прошлогоднее издание, всего сто экземпляров. Спина болела от напряжения, и настроение у девушки было отнюдь не прекрасным. Хотелось в душ, поесть и завалиться спать.

Саша приехал к отцу на работу, разминувшись с ним буквально на пятнадцать минут. Телефон родителя был вне зоны досягаемости, так что теперь Александр сидел в машине и не знал, как правильно поступить: ехать домой, или подождать, пока отец вернется на работу. Сидеть в машине было глупо, поэтому он выбрался из салона, чтоб пройти в здание, как наткнулся взглядом на девушку, что появилась в пределах видимости. Она шла знакомым широким шагом, оттого Саша присмотрелся внимательнее – пытаясь узнать. Длинные пшеничные волосы девушки были собраны в высокий хвост и хлестали ее по плечам в такт ходьбе. Глаза были скрыты за солнцезащитными очками, но мужчина узнал эту фигуру, скулы, поворот головы...

Она почти прошла мимо, как он вдруг окликнул тихо:

- Юля!

Она обернулась, да так и замерла на мгновение, потом взяла себя в руки и кивнула ему:

- Привет, Саша.

Видеть его тут – было неожиданно и очень трепетно. Всколыхнулось в душе забытое томление, словно вязкий песок со дна реки поднялся.

Он почти не изменился, разве что стиль одежды поменял на более классический, еще стрижка оказалась новая: волосы уже не завивались кольцами, а были аккуратно уложены в том самом «художественном беспорядке», что в салоне стоил изрядной копеечки. Слегка загорелый и модный, с интересным, приобретенным за границей акцентом, Александр Сергеевич напомнил ей о заграничном лоске и роскоши. И стало обидно, что схлестнулась с ним вот так – в простом сарафане, всколоченная, и утомленная. Вот бы встретить его в шикарном ресторане, одетой в вечернее изысканное платье, под руку с кавалером...

Но, реальность такова – во все времена она есть беспощадна и саркастична. Юля к подобному закону подлости давно привыкла.

- Ты что, все еще живешь здесь? – Александр отошел от дверцы автомобиля и лениво приблизился к девушке.

От него пахло незнакомо: холодной, горькой полынью и Юле показалась чуждой эта новизна.

Она сняла очки, так как разговаривать, пока они закрывают глаза, казалось ей невежливым, и только тогда ответила на вопрос.

- Да, я все еще живу здесь.

Дополнять или объясняться не стала, задала свой вопрос:

- А ты, погостить приехал?

- Верно, - кивнул мужчина.

Казалось бы, говорить им больше было совершенно не о чем, вот только повернуться и уйти ни у одного не хватало сил.

Юля стала настоящей красавицей. Это мужчина отметил сразу, и мысль сию сомнению подвергать даже не собирался. На нее было приятно смотреть: точеная, правильная красота в каждой черте и в каждом жесте. После грубоватых, нахрапистых американок, видеть славянскую привлекательность: мягкость и плавность изгибов было особенно приятно.

«Мы с ним - как разные берега, никогда не соединимся», - думала Юля, пока они молча смотрели друг на друга. «Не просто из разных миров, из Вселенных параллельных. Ничего общего нет, и быть не может. Его мир - позолоченная роскошь да насмешки над простыми смертными, моя бытность - непрерывный подъем к новым вершинам. Из неблагополучной семьи - в приют, где можно отсидеться да передохнуть. Из школьного посмешища в прилично одетую ученицу. Из троечниц - к красному диплому». А дальше она обязательно станет успешной и независимой. И не будет в ее жизни места напыщенным и самовлюбленным директорским сынкам.

- Как вообще тут дела? - спросил Александр и сунул руки в карманы брюк.

Такая словоохотливость была для него в новинку, и чувствовал мужчина себя неуверенно: неловко как-то. И, тем не менее, спросил, хоть еще на минутку задержать девушку и потешить своего внутреннего любителя красоты.

Юля же усмехнулась мысленно, видя его потуги снизойти до общения с простыми смертными.

- Все в порядке, - пожала плечами, - Мне уже пора, была рада повидаться, - махнув рукой на прощание, Юля повернулась спиной к собеседнику и направилась домой.

Он смотрел вслед удаляющейся фигурке и чувствовал себя абсолютным дураком. Это было странное ощущение - будто досада от поражения. Когда и в чем он проиграл, Алекс знать не хотел. Был уверен, что озарение это ему придется не по нраву.

***

Через неделю дети уехали отдыхать, сотрудники, во главе с администрацией отправились в отпуск, и на территории центра стало оглушительно тихо и пустынно.

Главное здание приюта было закрыто, раз в два дня приходил с обходом территории сторож - бойкий старичок, что жил он вниз по улице. Работа не стоила ему больших усилий.

Юля любила лето не только из-за самого сезона: доступных вкусовностей и моря, она любила

лето за покой и свободу. Не считая редких исключений, когда кто-то из церковных наведывался в приют – то подкачать колесо в соседской станции техобслуживания, то забрать забытые шампуры или еще что-нибудь, Юля находилась на большой территории одна. И это своеобразное одиночество было сладким.

Девушка варила кофе на летней кухоньке: в ее коттедже была электрическая печка, а в пристройке, что не запирали в отличие от приюта специально для нее, стояла газовая – миг, и готово. Сварив напиток, Юля шла вместе с кружкой на аллею и, делая маленькие глотки, наслаждалась запахом хвои и предрассветными прохладными сумерками. Просыпалась девушка рано – как привыкла за годы учебы и приютского режима, и, забыв понежиться в постели, сразу приступала к делам.

Стоит сказать, что в своих насущных заботах Юля часто находила приятные бонусы – будь то та самая прогулка с чашкой кофе в руках или поездка на велосипеде на речку. И больше всего ей нравилось бродить среди пушистых и вечнозеленых елей. Особенно на заре или во время заката. В такие часы девушку часто посещали интересные идеи. Юля писала научную работу, что должна была облегчить и существенно помочь с написанием дипломной, оттого такие умиротворенные часы наедине с собой оборачивались девушке во благо.

Когда лень было крутить педали – в особенно жаркие дни, Юля брала покрывало, плеер, пульверизатор с водой и шла на футбольное поле – загорать. Иногда к ней присоединялись подруги, которые захаживали в гости, а порой девочки уговаривали Юлю отправиться на пляж – к морю.

До моря было далековато и таких поездок за лето набиралось не более десяти. Все больше времени проводили на поле или на речке.

Изредка вечерами на территорию приходили соседские ребята – поиграть в баскетбол. Они заранее договаривались с Вячеславом Степановичем – тем самым сторожем, и он оставлял для них открытой небольшую калитку. Ребята были шумные, но с ними интересно было поболтать – сплошь знакомые, соседские мальчишки, что выросли параллельно Юле, оттого она порой присоединялась к ним, когда они бегали по площадке. Приносила волейбольный мяч, и баскетбол в такие вечера бывал забыт.

Ребята знали Лёшку, слышали об их с Юлей странной дружбе и часто над девушкой подтрунивали. Это не мешало общению, зато избавляло от всяческих романтических поползновений.

В целом лето проходило нескучно, пополняя сундучок приятных воспоминаний забавными случаями и радостными моментами.

Этим летом привычная размеренность оказалась разрушена. Соседний коттедж занял новый житель. И Юля не знала – радоваться этому событию, или огорчаться.

***

Он заехал в коттедж намеренно – зная, что им с Юлей придется пересекаться ежечасно.

Алекс уже давно не был тем порывистым, несмелым и несмышленным юнцом, которым тут работал.

Через призму прожитых лет и накопившегося опыта, он понимал, как глупо и несправедливо вел себя по отношению к сиротам. По сути, они не были виноваты – ни в чем, а особенно перед

ним. И только его глупый и запоздалый юношеский максимализм проявлял себя не в меру прытко – обижая и задевая. Проблемы у юноши были с отцом, но злобу свою он выливал совсем не туда, куда следовало бы. В Штатах спеси у Алекса поубавилось. Ее выбили из него куда более зажавшиеся снобы, с которыми ему приходилось работать. Порой, ощущая себя ничтожным и мямлящим, он вспоминал, как глумливо вел себя с детьми в отцовском приюте, и Алексу делалось еще гаже от собственной персоны. Да, может, он не поменял своих взглядов и привычек полностью, но справедливо считал, что от большинства пороков и предубеждений благополучно избавился. По крайней мере, от необузданной и неоправданной гордости уж точно.

После встречи с Юлькой, при воспоминании о ней, у Алекса внутри что-то дрожало, и эхо рикошетом шло, вибрировало. Не мог избавиться от мыслей о ней и через неделю извелся.

Эта девочка его волновала. Алексу хотелось зарыться руками в густые волосы и целовать ее до тех пор, пока голова не пойдет кругом. Он помнил свое прерывистое дыхание и то, как сжимал хрупкие плечи Юли на заснеженной аллее. Как жарко и нетерпеливо, без ложной скромности она отвечала ему. И эти давние воспоминания – ведь столько лет прошло, толкали вперед. Он хотел ее – эту красивую, милую девочку. И в желаниях своих признаваться не стеснялся. Его не смущало то, что она может все еще жить по законам церкви или верить в другого бога – антагониста, придуманного каким-нибудь спятившим шаманом, что сложил легенду, обкурившись перетертой трухой из корешков баобаба. Алекса не смущал конфликт интересов – ведь Юля подопечная его собственного отца. Он просто хотел эту девочку и не собирался отказывать себе в этом желании. Поэтому переехал в коттедж, сказав отцу, что хочет уединения.

Вместо поблекшей гордыни, в Штатах Алекс обзавелся небывалым эгоизмом. И если бы мужчина анализировал свои желания, обязательно бы заметил этот факт. Как и тот, что по жизни к нему так и прилипало всякое гуано из недостойных, заслуживающих лишь презрения человеческих качеств.

***

Юля сидела на лавочке под развесистым каштаном и пила ароматный напиток – зеленый индийский чай с добавлением листьев сафлоры, кусочками ананаса и лимона. Время текло к вечеру, солнце плыло к горизонту неторопливо, но неумолимо быстро, и блаженная прохлада медленно опускалась на плечи. После жаркого дня было приятно сидеть в тени, наслаждаться небольшим ветерком и пить остывающий чай – самое то, чтобы, наконец, утолить жажду.

Было тихо – ни криков, ни гула машин по дороге, только ветер шелестел зелеными кронами, да стрекотали крыльями насекомые. От размеренного покоя по телу девушки разлилось умиротворение. Юля закрыла глаза и сделала большой глоток чая.

За спиной послышался звук шагов, но девушка даже не пошевелилась. Она знала, что он придет и подсядет, а потом заведет разговор. Более того, шестым чувством она понимала – он переехал именно из-за нее. Это пугало и волновало, вызывало ватагу мурашек, снующих по коже. Как вести себя – Юля не представляла – не разобралась еще, чего же хочется ей, и совпадут ли их желания.

- Доброго времени, - поздоровался Алекс и присел на лавочку.

Не стой между ними чашка, он задел бы Юлю коленом. По крайней мере, девушке так показалось.

- Взаимно, - ответила Юля и открыла глаза.

Алекс был в легких светлых брюках и белой рубашке поло, и одежда подчеркивала бледность его кожи – загореть, в отличие от девушки, он еще не успел.

Помолчали.

Юля разглядывала широкую розовую клумбу напротив, Алекс смотрел на девушку, и по его лицу нельзя было догадаться ни о намерениях, ни о чувствах, которые он, возможно, испытывал.

- Ты изменилась, - сказал, наконец, Алекс, и перевел взгляд на воробья, что спорхнул с ветки прямо им под ноги.

Юля повернулась к нему, ожидая объяснений, и Алекс пояснил:

- Где та улыбчивая девочка, что предлагала мне желатиновых медведей? Сейчас передо мной взрослая, серьезная леди, с которой и заговорить страшно – она словно отгородилась от мира терновыми ветками. Эта леди предпочитает одиночество и крепкий чай веселому и шумному времяпрепровождению. Она смотрит холодно и равнодушно, будто сквозь. От этого озноб прошибает.

Такой многословности Юля улыбнулась. Хотя, кто знает, может он всегда был таким – велеречивым, ироничным, и говорил с теплыми искорками в глазах, мягкой улыбкой на капризных губах. Только не с ней. Юля помнила его жестким, грубым, почти что бестактным. Сейчас же перед ней будто чужой человек находился – незнакомец и только.

Но, кто знает, может, в другом обществе он всегда был вот таким – приятным и вежливым. Поэтому девушка не стала заострять внимание на переменах в нем самом и возвышенности его речи – вероятнее всего она просто совсем не знала этого мужчину, чтобы хоть как-то о нем судить.

Взяла в руки полупустую чашку, повертела ее в руках задумчиво, потом ответила:

- Эта девочка осталась там – в далеком прошлом. Смысл ей быть, если та наивность и простота, которой полнился характер, приносили одни только насмешки.

- Не путай простоту с непосредственностью. Хотя, зря я заговорил об этом. Все мы меняемся со временем. Ты это ты.

И снова замолчали, каждый в свои мысли погрузился.

Алекс подумал о том, что она – эта странная девочка, бесконечно от него далека, словно из другой реальности. Все в ней – будто чуждо этой эпохе: манера одеваться в простые, но изысканные вещи, ее движения, повадки: ленивые, лишённые всякой спешки и торопливости. Глаза, в которых глубина и, несвойственная столь молодым людям, мудрость.

И все же – недоступность и равнодушие, что так и скользили в ее взглядах, распалили Алекса все более. В совокупности все: и как выглядит, как ведет себя, как пахнет – заводило мужчину, пробуждало первобытное желание обладать. Любовался ею: как привычно закусывает губу или водит тонким пальцем по горлышку чашки. Как медленно порхают ресницы...

Юля подняла голову, и взгляды их пересеклись.

Алекс внутренне поежился – в тот момент показалось, что это не он приехал сюда соблазнить ее, а она – далекая, холодная, но такая желанная, создана Всевышним и послана сюда, чтоб покорить его. Покорить, и если потребуется – перемолоть, в порошок его стереть. Все прежние черты и мнения – поставить с ног на голову, обратить. Вспомнились ее слова – в порыве бессильной злости брошенные. О том, чтоб не зарекался. И сейчас – через столько лет, Алексу жарко стало и страшно – в самом деле, попался. Она – эта маленькая, хрупкая девочка попала в точку. Нечаянно, совершенно неискусственно и без умысла – в этом он был уверен, она покорила его. Не улыбками или взглядами, не стройным телом, а тем, что она просто была – вот такая: странная, незнакомая, почти чужая, но как продолжение его самого. Какую только власть она имела над ним! Алекс ужаснулся, глядя в зеленые, как густой лес, бездонные глаза. Один поцелуй – далекий, будто в прошлой жизни, одно прикосновение, но как напряжение, двести вольт по венам. Как разряд молнии прямо в макушку. Нет-нет, но возвращался к тому дню их прощания на заснеженной аллейке. Даже когда работал как проклятый или менял любовниц, раз, и всплывают перед глазами образы яркие, словно на веках отпечатанные. Непрошенные образы, незванные.

Она моргнула, и мысли Алекса переменялись. Снова захотелось вкус ее губ почувствовать, вспомнить какие они – сладкие?

Наклонился к ней, нос к носу, думал, что навстречу ему последний миллиметр сама сделает, но она только смотрела – глаза в глаза. Сам коснулся губ – почти робко, но стоило прижаться, как в голове пульс застучал, и движения перестали быть несмелыми. Раздвинул языком ее податливые, мягкие губы, скользнул в ее рот и в паху заняло. Так сладко было в ней – целовать влажно, ощущать привкус разнотравья и фруктов южных. Юля вдохнула глубоко, задев его грудь и от этого мимолетного касания все мысли здравые и не очень, из головы выветрились.

Провел руками по плечам, продолжая исследовать ее рот, жадно сплетаться языками, круговыми движениями двинулся к манящей груди, накрыл ее ладонями. Девушка в его руках вздохнула еще раз, лизнула его верхнюю губу, и Алекс подхватил ее за талию, усадил на себя порывисто. Она скользнула бедрами по его напряженному паху, от чего у обоих по коже дрожь пошла.

- Сладкая девочка, - хрипло прошептал Алекс, на мгновение от уст Юлиных оторвавшись.

Потянулся к ней, обхватил за ягодицы, сжал крепко.

Юля закинула голову, закрыв при этом глаза. Его прикосновения были смелыми, жадными, первобытными. Они были пугающе приятными.

- Остановись, Саша, - сказала она, когда бретельки сарафана оказались спущены, а сам мужчина спускался горячими поцелуями вниз от ключиц.

Он поднял голову и посмотрел совершенно черными глазами – радужку полностью поглотил зрачок. В них бушевала страсть, нетерпение.

Алекс вздохнул несколько раз, отвел взгляд. Юля поднялась с его колен, снова села рядом. Дышали тяжело – как после спринта.

Нужно было что-то сказать, но что именно, Алекс не знал. Просить прощения – глупо, он не чувствовал себя виноватым. Сказать банальность вроде того, что поцелуй получился что надо – было стыдно. Поцелуй был не просто что надо, он был настолько горяч, что Алекс чуть не приступил к основному прямо тут – на лавочке.

Молчание прервала Юля.

Она повернулась к мужчине и косо улыбнувшись, сказала:

- Не ищи, что сказать. Это просто похоть, ничего больше.

И ушла, забыв прихватить чашку и послушать ответ.

***

Было чертовски приятно целоваться с ним, нежиться в прикосновениях. Врать себе Юля не любила, оттого не стала лукавить: призналась, что взбудоражена и возбуждена. Грудь часто вздымалась, сердце неистово колотилось и как-то сладко замирало. Прислонилась спиной к двери, закрыла глаза, вспоминая касания губ и властных, сильных рук.

- Невероятно! – сказала громко Юля и прошла по коридорчику, порывисто сбрасывая балетки.

Алексу не спалось. Он то пить ходил, то подышать, то снова отправлялся в постель с тщетным намерением заснуть. Простыни казались мужчине раскаленными, хотя в комнате работал кондиционер. Помучившись с час, Алекс отбросил легкую простынку и сел на кровати, опустив ноги на пол. Прошел на кухню, не зажигая света, снова выпил воды, хотя и не особо хотелось. Автоматически глянул на часы – третий час шел. Неторопливо, безэмоционально: тик-так.

Алекс сунул стакан в мойку, выключил кондиционер и распахнул настежь оконную створку. Сразу же дохнуло теплом летней ночи: ароматной, пряной, пьянящей. Цверкотали какие-то насекомые, легкий ветерок шевелил пышные зеленые кроны, в темноте казавшиеся черными и автономными: будто сами по себе, переговариваются между собой, затевая спор. Алекс высунулся из окна по пояс, с наслаждением вдохнул свежий, живой воздух – не сухой кондиционированный, а сладковато-горький, южный.

Впервые за долгое время Алексу было хорошо. Так спокойно и благостно бывает только дома, на родине. Там, где родные люди спешат с горячими объятиями, навсегда забыв про разногласия и ссоры, и не надо продумывать наперед сто ходов и просчитывать вероятности, только обнимать в ответ и ежеминутно хлопать по плечам, сдерживая скупые, но не менее яркие, эмоции. Алекс чувствовал себя в безопасности. Потому что тут и только тут был отчий дом.

От наслаждения духовного, мысли переключились на приятности плотские. Юлька... какая она приятная, манящая, близкая и далекая одновременно...

Алекс сам не знал, что не дает ему уснуть – пьянящая летняя ночь или думы о девушке, что неожиданно вклинилась в мысли и вытеснила оттуда многие вещи, которые раньше казались первостатейно важными.

Под окном неожиданно хрустнула ветка, а в следующее мгновение на подоконник запрыгнул упитанный, лоснящийся от сытой жизни, черный кот. Алекс, не ожидавший такого поворота, с мысли сбился и отреагировал на появления незваного гостя довольно вяло: только лишь округлил глаза и молвил:

- Ну и напугал ты меня, котяра. Топай отсюда давай, - попытавшись сдвинуть кота, согнав его, таким образом с подоконника, Алекс дотронулся до бока животного и как ошпаренный отдернул руку. Кожи коснулась мягкая, бархатная шерстка. И дернул же черт подняться с постели. Без перчаток.

Коту было плевать на дискомфорт человека. Он посмотрел равнодушно на смятение двуногого, что лелеял свою руку, будто она была сломана, мигнул ярко-желтыми, с узкими, как лезвия, зрачками, и спрыгнул с подоконника в комнату, напоследок муркнув нечто в крайней степени неразборчивое.

- Куда? – опешил Алекс.

Такой наглости он давненько не видывал.

Кот напрочь проигнорировал недоумение и злость в голосе человека. Путь лежал к кухне, где вкусно пахло чем-то соблазнительным, поэтому кот поднял хвост трубой, а лапки – все четыре, принялся переставлять с удвоенным старанием.

Когда Алекс щелкнул выключателем на кухне, проморгался от слишком яркого света, что обжег глаза, оказалось, что кот в одночасье подъял забытый на столе бекон и немалый кусок сыра. И не сказать, что продуктов было жаль – сыр за несколько часов обветрился, а мясо после лежания вне холодильника – при такой духоте-то, Алекс есть бы все равно не стал, но сам факт такого наглого вторжения, мужчину раздосадовал.

- Так вот как ты нажрал такое пузо, вор пухнастый! – хлопнув в ладоши, Алекс двинулся на котяру, что сыто облизывался, сидя на столе. – Проваливай отсюда, ну-ка, пошел, брысь, говорю! – Приблизившись, мужчина посмотрел в желтые, наглые глаза и понял, что абсурдность ситуации просто зашкаливает. Кот с места не двигался – обнаглел в конец, а сам Алекс взять тушку на руки не осмеливался. Они смотрели друг на друга с добрую минуту, потом Алекс вторично чертыхнулся и вышел из кухни, не забыв выключить свет, что действовал на нервы.

Выйдя на крыльцо рано утром, Юля обнаружила там изящную, коротко обрезанную черную розу в прозрачной вазе и коробку дорогущих шоколадных конфет. Дар был неожиданным, но, нечего и говорить, приятно удивил. На ощупь бутон оказался бархатным, упругим, а колючки на стебле были заботливо обрезаны под корень. Юля улыбнулась, занесла вазу в дом, а конфеты сунула под мышку и бодро зашагала к коттеджу напротив.

Алекс открыл дверь минут через пять после стука, и выглядел при этом растрепанным и сонным.

- Спасибо, - кивнула девушка на коробку в руках, - присоединишься? Чаю выпьем.

Почесав живот, Алекс посторонился, пропуская Юлю внутрь. Через минуту из кухни послышался смех. Заглянув туда, мужчина увидел занимательную картину: Юля, посмеиваясь, гладила по спине наглого ночного вора и нашептывала ему на ухо что-то ласковое.

- Ты знаешь его? – спросил Алекс, косясь на желтоглазого.

Кот жмурился в таком удовольствии, что мужчина ему от всего сердца позавидовал.

- Конечно, это же мой Бродский!

От такого заявления Алекс немножко растерялся.

- Тот, который нобелевский лауреат, драматург и поэт?

Юля засмеялась, запрокинув голову и показав милые ямочки на щеках. Алекс залюбовался.

- Просто Бродский очень любит стихотворения Иосифа Александровича, того самого, который поэт, драматург и нобелевский лауреат. С самого раннего кошачьего детства кот, которого звали просто Котом, садился ко мне на колени, пока я декламировала стихотворения, и принимался урчать, да так, что я вместе с ним вибрировала, - Юля с особой тщательностью прошлась ладонью по гладкой шерстке. - Стоит признаться, больше никто из мастеров слова - ни Есенин, ни Ахматова, такой власти над моим Бродским не имели. К их прозе кот оставался совершенно равнодушен. Именно поэтому Кот стал Бродским.

- Таковую информацию следует осваивать не на голодный желудок и строго дозированно, - Алекс еще раз посмотрел на смеющуюся Юлю, на наглого и прожорливого Бродского, что в явном удовольствии шевелил усами. Покачал головой в недоумении, оценив увиденное - не каждый день встретишь кота, любящего пребывать в лирическом настроении, и отправился умываться, пока девушка заваривала чай и распаковывала конфеты.

Через некоторое время Алекс вернулся из ванной комнаты посвежевший и окончательно проснувшийся. На кухне его ждал ароматный чай и дымящиеся еще горячие бутерброды.

- Я похозяйничала тут, надеюсь, ты не против, - помешивая напиток серебряной ложкой, робко улыбнулась Юля.

- Не против, - честно ответил Алекс.

Он был из тех людей, кто предпочитает завтракать, а не просто заливать в себя с утра воду или кофе и переждать в обед, до перерыва пугая коллег оглушающе громким урчанием желудка. Поэтому мужчина придвинул к себе тарелку с бутербродами и принялся за еду.

Юля попивала чай, вертела в пальцах конфету, отчего та подтаяла - мягкий шоколад растекся по подушечкам пальцев. Увидав, что испачкалась, на автомате облизала пальцы, скосив глаза на Сашу, и, в тот же миг встретила с ним взглядом.

К тому времени он утолил первый аппетит и наслаждался ощущением сытости.

- Нарочно дразнишь меня? - спросил он, глядя, как ее мягкие губы сомкнулись на пальце и оставили там влажный след.

- Нет, прости, - опустила глаза, застеснявшись вдруг своих деревенских привычек.

Вот кто в присутствии посторонних пальцы облизывает?

- Спасибо тебе за конфеты и за то, что кота моего не выгнал. Я отпускаю его вечером, если на улицу просится - он умный, всегда возвращается. А вчера забыла окно открытым оставить, вот он к тебе и забрел.

Такого выгонишь - подумал Алекс, а вслух сказал:

- Брось, не уходи так поспешно, я не хотел спугнуть тебя.

Юля заглянула в глаза мужчине, рассмотрела в них искорки интереса, любопытства, и не найдя ничего неприятного для себя, обратно села за стол.

Помолчали. Алекс допил чай, отнес посуду в раковину и вернулся за стол. Юля рассматривала рисунок на коробке конфет, и ощущала возрастающую неловкость. Дискомфорт, повисший в воздухе, с каждой молчаливой минутой становится плотнее и девушка уже не рада была, что

осталась, и что вообще пришла разделить шоколадный дар.

Даже такой – растрепанный, в растянутой футболке и небрежно подкатанных джинсах, Сашка походил на аристократа. Сама же Юля напоминала себе крепостную крестьянку, чудом затесавшуюся в покои барина.

Дальше Алекс сказал такое, чего сам от себя никак не ожидал, а Юля – и подавно.

- Давай просто сделаем это, - увидев недоуменно приподнятую бровь, с неприличным спокойствием продолжил: - Давай займемся сексом.

Губы девушки приоткрылись, глаза стали круглыми – это же надо, вот так возьмем и займемся.

- Ты в своем уме? – только и смогла спросить Юля.

Алекс невозмутимо пожал плечами:

- Ты сама понимаешь, что это случится рано или поздно. Врешь себе, если думаешь, что влечение пройдет.

Юля себе не врала. Она прекрасно осознавала, что не пройдет. Сколько лет уже тянется за ней эта безумная, безответная влюбленность? И может быть, в самом деле, лучше будет поддаться искушению и взять то, чего так долго хотелось, о чем мечталось. Как знать, вдруг получив это, отомрет в душе кусочек, что так глупо грезит о несбыточном.

- И что, ты хочешь, чтоб я сейчас задрала подол и вот прямо здесь отдалась тебе? – в голосе девушки была неприкрытая насмешка, но смотрела она серьезно.

Алекс представил себе сие действо и уже только от этого в висках кровь застучала.

- Не опошляй, - поморщился он.

- Естественно. Ведь твое недавнее предложение подернуто таким романтическим флером, что опозлить его уже просто некуда! – и снова эта поднятая бровь и кривящиеся в злой улыбке губы.

Алекс уже трижды пожалел, что сказал глупость. В самом деле – кто так девушек соблазняет? Но, отступить было поздно, да и некуда.

- Я сказал то, что намеревался сказать. Я хочу тебя – давно, долго. И ты хочешь меня – будь честной, знаю, что хочешь, - сказав, Алекс наклонился к Юле, оперся руками о спинку ее стула и оказался с девушкой нос к носу.

Конечно, она его хотела. Пусть немножко не так, как он имел в виду, да что там – совсем не так. Не в полной мере он осознавал, что секс – лишь одна из сторон отношений. Важная, но отнюдь не самая основная грань. Юля знала, что секса ей будет мало – она хотела его всего. Жадно и ревностно. Хотела узнавать его постепенно, а потом вдруг узнать, выучить. Ей нужно было все. От взглядов и прикосновений до абсолютного обладания: видеть, как спит и как работает, касаться постоянно, ощущая душевный трепет и тепло, кусать кожу хотелось до розовых отметин. Юле хотелось больше. Космически больше.

Но она понимала, что получить это – невозможно. Он может дать ей только маленький кусочек: пару ночей. Или дней. Пятьдесят поцелуев и тридцать объятий, двадцать семь откровенных

прикосновений, пять томных взглядов, десять влажных дорожек на коже. Или около того. Все это было так ничтожно мало, но однозначно лучше, чем ничего. Ведь потом – все останется в прошлом. Потому что Алекс даже не подозревает насколько ситуация ушла из-под контроля. Он не понимает, что ей хочется его всего и навсегда. В единоличное обладание.

И заняться сексом – было чертовски просто. Не было в Юле никакой стеснительности или обиды из-за неприличного предложения. Только страх. Потому что случись близость, ей космически невозможно будет заставить себя уйти, когда все закончится.

Сердце колотилось в горле – Сашка, ее недостижимая мечта был сейчас так близко! Его серые, с золотыми крапинками глаза неотрывно смотрели на нее, постепенно чернея. Губы у Юли пересохли, и она облизала их быстро, но это не укрылось от его взгляда. Алекс наклонился ближе, тяжелым горячим дыханием коснувшись ее лица. И кто первый коснулся губ второго – не понять было. Сухим прикосновением обожглись, сплелись влажно языками, и обоих, словно током пронзило. Застучала кровь набатом, загрохотала. Незнакомые были прикосновения – новые, но такие нужные, те самые, от которых напрочь срывало крышу.

Алекс сдернул Юлю со стула, подхватил под ягодицы и перенес на высокий разделочный стол. Она вцепилась в его волосы, оплела ногами спину, не переставая целовать, мягко вздыхала – на грани стога.

- Девочка, не могу больше, слышишь? – оторвался от сладких губ, провел руками по груди и животу, чувствуя, как выгибается податливое тело навстречу касаниям. – Понимаешь? – заглянул в глаза совершенно черные сейчас, свое отражение там увидел и желание настолько нетерпеливое, что сглотнул от нахлынувшего жара. Все ответы нашел на свои вопросы, и от предвкушения – что вот-вот случится то, о чем он годы напролет фантазировал, руки задрожали, в горле ком стал.

Юля опустила руки, медленно принялась задирает подол сарафана – сантиметр за сантиметром оголяя загорелые стройные ноги, между которых Алекс стоял. А сама при этом на него смотрела – запоминала взгляд его бешеный, полубезумный. Выгнулась дугой, когда он пальцами к сокровенному дотронулся, сдвинув в сторону трусики. Закусила губу, когда скользнул внутрь медленно, наслаждаясь каждым пройденным миллиметром. Напряглась на мгновение, когда боль прострелила нутро, но расслабилась вскоре, потому что увидела в глазах Сашки такое наслаждение, какого никогда прежде не замечала. Он блаженно глаза закрыл, но на лице сосредоточенном все и так написано было.

И пусть Юле больно было – каждый толчок внутри тягуче отзывался, она знала, что так должно быть. Это нормально. Сквозь боль и туман перед глазами – от слез глупых, внезапных, ей приятно было: от яркого осознания – ему хорошо.

Алекс же старался сдерживаться, чтоб не сжать со всей силы, чтоб не оставить на безупречной коже пошлые темные пятна. Но как хотелось! Закусить до крови шею тонкую, высокую грудь с синими прожилками вен, перед его лицом покачивающуюся. До боли ему хотелось сжать бедра сладкие и вколачиваться быстрее, быстрее! Как жарко ему было – горячо, непередаваемо узко, так, что хотелось навеки в Юле остаться. Она стонала что-то неразборчивое, билась затылком о кухонные шкафчики, больно сжимала пальцы на его предплечьях. И так безупречно отдавалась, что у Алекса не хватило сил дать ей разрядку, хотя он и торопился. Не успел. Выскользнул из нее одним резким движением, и даже не успев прикоснуться к члену рукой, излился.

***

Ну, вот и все, - подумала Юля спустя некоторое время.

Потерянного было совершенно не жаль. Сквозь отголоски почти ушедшей боли пробивалось опустошение - не злое, умиротворенное. Наверное, так чувствуют себя люди, достигшие цели, к которой упорно шли. И хорошо и пусто одновременно. И пусть Юля не ставила перед собой задачу вот так отдаться, дело сделано - одна из сторон личности Сашки ей стала открыта.

Юля одернула платье, поправила волосы и осталась сидеть на столе. Ноги были ватные и наверняка, не держали. Дышалось тяжело. Сердце все еще билось где-то в горле.

Алекс опустился на пол и присел у ног девушки, оперевшись спиной об прохладную дверцу кухонного гарнитура. Он не мог открыть глаза, потому что по телу бродили отголоски оргазма. Было хорошо. Так хорошо, что не верилось.

- Юль, - позвал он, все так же сидя с опущенными веками.

Юлька промычала что-то вопросительное. Сил говорить тоже не наблюдалось.

- Я сейчас открою глаза и что увижу? - ровным тоном поинтересовался Алекс. - Кровь?

Юля перевела взгляд на светловолосую макушку и прикусила губу изнутри - неловко. Зачем он постоянно издевается? И все же, не смотря на свое легкое опустошение и прилив крови к щекам, ответила тихо:

- Да.

Алекс молчал. Непонятное чувство на него набросилось. Невозможно было его описать. Вроде бы и досада - ответственность какая, первым у девушки быть. Стыд, что сегодня он просто взял, ничего в ответ не отдав, и под конец - неясная гордость. Почти что торжество. Так полагалось ощущать себя легионерам или полководцам, каким-нибудь завоевателям. Но никак не ему - лишившему девственности подопечную собственного отца.

Юля, поглядев на Сашку, опустила голову. Да, было бы лучше сказать ему раньше, да только когда, если из головы глупой все выветрилось.

- Я ничего не жду, - вдруг жестко сказала она, собравшись с силами. - Ты мне ничем не обязан. Ничего не говори, - еще больше стали в голосе слышаться. Откуда только такие энергетические запасы? - Ты прав, я не меньше твоего всего этого хотела. Вот и свершилось.

Сказав, съехала со столешницы, громко хлопнув по паркету пятками, прошла к двери, крикнув напоследок:

- Бродский, домой!

Котяра выбежал откуда-то из спальни, совершенно неаристократично спеша за хозяйкой. Раскатисто мявкая, и подняв хвост трубой, пробежался по вытянутым ногам Алекса, будто и не заметив того.

Потянуло сквозняком по полу, а потом хлопнула дверь. Юлька ушла, забрав кота и маленький кусочек тихой радости от случившегося. Алекс еще долго сидел, не решаясь открыть глаза, но это было глупо и трусливо, поэтому он просто сделал это.

Никаких багровых рек или луж крови. Никаких безобразных реалий. Только небольшой,

засохший мазок на его плоти, как доказательство того, что их соитие – не сон.

Юля закрыла дверь своего домика на замок, захлопнула стеклопакеты по всему коттеджу, забралась под душ и только там расплакалась. Это все проснувшиеся гормоны – решила девушка, горько всхлипывая. И немножко обиды.

***

Солнце палило нещадно. Уже несколько дней на улице стоял такой зной, что асфальт плавился, желтела трава, изнывали от жары и жажды животные. Привычный лай соседских псов сменился жалким поскуливанием.

Бродский, вытянувшись, раскинув в стороны лапы и не шевелясь, валялся под кондиционером уже который час к ряду. Весь его несчастный вид напоминал девушке о великомучениках.

- Не надо, - сказала ему Юля, заметив в приоткрытой глазнице жалостливый блеск, - будешь напоказ страдать, вымою с шампунем. Или побрею.

На такую реакцию кот обиделся. Юля видела, как раздраженно он забил кончиком хвоста по паласу, но и не подумала брать слова назад. Помыться Бродскому, в самом деле, совсем не мешало бы – налазившись неизвестно где, он пришел под утро грязный, усеянный колючими репьями до самого кончика хвоста. За ухом обнаружился огромный присосавшийся клещ, при виде которого у Юли вырвался крепкий, исконно русский эпитет. Услышь такое непотребство кто из церковников, зацокал бы языком неодобрительно.

Извлекать паразитов девушка не умела, поэтому пришлось везти кота к ветеринару. Кот смиренно сидеть в перевозке не желал, орал на всю округу, раздражая утомившихся от жары собак. Юля злилась, бормотала под нос мрачные обещания отдать любителя поэзии на колбасу, шаурму или утопить в лучших традициях Тургенева.

Добравшись в клинику и высидев много томительных минут рядом с пускающим слюни бульдогом, они с Бродским, наконец, попали на прием. Ветеринар, взяв пинцет, ловко выкрутила паразита, обработала ранку и вколола орущему страдальцу инъекцию против пироплазмоза. Попали домой только к обеду – по невыносимому пеклу, голодные и злые. Бродский обзавелся противопаразитарным ошейником, Юля – нервным тиком на левом веке.

Поэтому сейчас – на обиду зверя девушка пригрозила еще более жесткими мерами:

- Будешь домашний кот. Запрещаю на улицу лазить.

На угрозу репрессий Бродский презрительно сощурился, но морду на лапы устроил виновато.

Вздохнув, Юля перевела взгляд на конспекты, словари, что валялись отовсюду, и взялась за работу. Бесспорно, разговаривать с котом – дело увлекательное, но ей еще надлежало быть адекватной и хотя бы изредка, но учиться.

Смысл ускользал. Перечитывая в сотый раз одну и ту же строчку, Юля раздраженно откинулась на спинку кресла.

Сашка. Он застрял в ее мыслях. И пусть сейчас в умственных глубинах перемешались клещи, коты и конспекты, затмившим всю эту мешанину был именно он.

Они не разговаривали толком с того самого дня – уже около трех суток. Не потому что

избегали друг друга, а потому что говорить-то и не о чем было. Так, получается. Вели себя обыкновенно – словно и не случилось ничего. Приветствовали друг друга кивком головы или взмахом ладони и отправлялись по своим делам.

Такое поведение не тяготило, лишь только добавляя неловкости. Хотя, - думала Юля, какая такая неловкость? Взрослые, давным-давно совершеннолетние люди, они сделали то, чего обоим хотелось до беспамьяства. И что тут такого особенного, зачем молчать и делать трагедию века?

Ближе к вечеру, когда зной сменился сносной, но душноватой жарой, Юля вышла на улицу. Любимая лавочка под раскидистым каштаном оказалась занята.

- Привет, - поднял голову Алекс, оторвавшись от планшета.

Юля кивнула и присела рядом. На большом расстоянии, будто, в самом деле, не было между ними ничего. Пригрезилось.

Оглядевшись, девушка вдруг поднялась, скрылась за серой елью, а через минуту на розовой клумбе зашипели, вертятся, распылители. Прохладные капельки воды застучали по стеблям и лепесточкам, увлажнили землю за считанные секунды.

Редкие капли долетали до лавочки, прибывая пыль у ног Алекса. В воздухе запахло упоительно – как после дождя. Вернулась Юля, трясая влажными руками. Снова села на лавочку, вытянула ноги.

- Поехали купаться, Юль, - позвал Алекс и мельком глянул на девушку.

Она снова поднялась, ничего не сказав кивнула, и скрылась в домике, чтобы взять купальник.

Они поехали на речку. Путь минул в тишине. Юля в окно смотрела, и тайком, с жадностью вдыхала дорогой запах кожаной обивки. Алекс все больше на полосу дороги посматривал, реже – на стройные Юлины ноги – тоже украдкой.

Добравшись и оставив внедорожник под ивой, достали широкую подстилку из багажника и побрели по берегу, ища более спокойного места. Кусочки суши, где было относительно тихо, занимали рыбаки – кто на «паука» ловил, кто на удочку. Немного отойдя, то и дело встречались отдыхающие. Молодежь стайками плескалась на глубине, где-то вдалеке визжали девицы, в воздухе кроме просоленной влаги застыл запах жареного мяса, смех.

Солнце катилось за горизонт, и вечер обещал быть томным, небо – звездным и, не смотря на людность, по телу разливалось радостное предвкушение отдыха. Пройдя с несколько десятков метров, Алекс с Юлей наткнулись на камышовый островок, за которым нашлось тихое, никем не облюбованное уединенное место. Там и устроились.

Расстелили цветастое покрывало у самой воды, выгрузили воду и нехитрый перекус. Алекс подогнал машину ближе, пока Юля переодевалась. Споро и слажено действовали, да только молча. Тишину Алекс нарушил, когда Юля протянула ему оранжевую баночку-спрей.

- Зачем? – спросил он, протягивая руку.

- От комаров. И клещей – вспомнив утро, передернулась девушка.

Алекс кивнул и натерся. Пахло приятно – мятой и еще чем-то душистым. Девушка потянулась

за тубиком, когда он закончил и просто вертел его в руках, но Алекс не дал.

- Я сам, - и сказав это, пшикнул на ладонь густую жидкость.

Юля повернулась спиной, не став спорить. Оба понимали, что приехали сюда не только купаться. Широкие, теплые ладони коснулись плеч и Юля зажмурилась. Хорошо, что он не видит ее лица с блаженной и совершенно идиотской улыбкой, - подумала девушка.

Проведя по узкой спине, втерев в загорелую кожу пахучий бальзам, Алекс развязал все тесемки верхней части купальника и тот упал на подстилку. Зачем только надевала - пронеслось в голове у Юли. Когда же сильные ладони прошлись по пояснице, ребрам, вернулись к плечам, а потом накрыли грудь, мысли все выветрились. Он водил по коже нежно, массируя и втирая, изредка отвлекаясь на то, чтоб налить в пригоршню бальзама. Намазав грудь, не пропустив затвердевших сосков - а наоборот задержавшись там на лишнее время, Алекс провел руками по напряженному животу, бокам, снова возвратясь к краешку плавков. Его пальца щекотали, дразнили, нет-нет, но заглянув под ткань на тягуче-сладкую секунду. Юля, от такой ласки разомлевшая, прислонилась спиной к груди Алекса, потерлась ягодицами, почувствовав его возбуждение - чисто по-женски, прося большей ласки. Алекс же, вздохнув глубоко, повернул ее к себе лицом и сел на корточки. Не спеша, будто все время Вселенной у него в кармане, он потянулся за тубиком, налил на ладонь крема, растер его и, один за другим, намазал пальцы на Юлиных ногах, стопы, щиколотки, голени, колени. Медленно, он обвел руками бедра, снова позволив нескольким пальцам заглянуть за краешек трусиков. Юля дышала тяжело и, закусив нижнюю губу, смотрела на Алекса с надеждой. Когда он отвлекся - в очередной раз, потянувшись за оранжевым тубиком, девушка опустила на колени и, толкнув его - заставив лечь, поцеловала.

В низу живота уже горячо было, пульсировало, требовало прикосновений, и будто зная это, Алекс спустил ее плавки, дотронулся чувствительного места, и Юля застонала протяжно.

На пальцах ощутилась влага и Алекс закусил губу изнутри от разрывающих его тело, чувств.

Он хотел быть терпеливым, хотел сделать этой красивой девочке приятно - до того, как снова сделает больно, до того, как будет биться в ней с бешеной скоростью. Алекс знал, что и во второй и в третий раз больно, что ей необходимо привыкнуть к нему, что необходимо быть менее напористым и жадным. Но, стоило ему почувствовать на пальцах ее возбуждение, как все зарубки и обеты из сознания вымело шквальным желанием. Таким диким, что забылся. До зубовного скрежета захотелось оказаться в ней - в сладкой, жаркой и узкой девочке. Его Юльке.

Он резко перевернул ее, оказавшись сверху, быстрыми влажными поцелуями проложил дорожку по животу, лизнул ее там - в глубине, от чего задохнулась, вскинула голову. И не в состоянии больше терпеть, скользнув внутрь, зажмурившись от шального, совершенно непередаваемого удовольствия.

Юлька под ним на секунду напряглась, но когда он очень медленно двинулся, расслабилась, тихонько хныча от переполнявших чувств.

Ей было приятно. Сперва непонятно даже, а потом больше, острее. Алекс задевал что-то такое внутри, от чего губы раскрывались и со рта вылетали совершенно неприличные звуки, а внизу - там, где он двигался, нарастало, нарастало...

Юля задыхалась. Голова металась из стороны в сторону, и она кричала бы уже в голос, если бы Сашка ее не целовал. Он был так глубоко в ней, так непередаваемо наполнял всю целиком, что

было совершенно невозможно молчать. И она кричала ему в рот, а он кусал ей губы и все двигался – часто, быстро. Его рука нетерпеливо спустилась вниз, нажала, в такт движениям закружилась и Юльку словно подбросило. Так резко волна накатила, сладко-сладко, будто горячая лава затопила низ живота, и вскрикнула беззвучно, округлив губки. Алекс почувствовал, как Юлька запульсировала вокруг него. Задержались хаотично ее мышцы, обхватывая его, сжимая. Зашипев сквозь зубы, он замер на время, а когда она притихла, снова выскользнул и разрядился куда-то в траву.

Юля смотрела в темнеющее небо, на котором понемногу зажигались звезды, и неспешно приходила в себя. С каждым вдохом сердце замедлялось, и уже не выпрыгивало вон, грозя сломать ребра. С речки тянуло приятной прохладой, которая остужала разгоряченную кожу, в камышах копошилась речная живность – то ли выдры, то ли жабы, кто знает.

Алекс привалился к ее боку, перехватил рассеянный еще взгляд.

- Юля, - она коснулась указательным пальцем его губ, не давая сказать.

- Молчи. Пойдем лучше купаться.

Вода была теплой у поверхности, прохладной ближе ко дну, по ногам же то и дело проносились ледяные течения, но после одуряющего зноя такая водичка казалась Алексу приятной. Юля же, раскинув руки, лежала на воде, позволяя ленивому течению сносить ее вниз.

Когда наплескались, выяснилось, что проголодались зверски. Были съедены бутерброды и на скорую руку порезанный салат, выпит холодный чай, но насыщение так и не наступило. Даже у стройной, как куколка, Юли, желудок урчал на всю бережную округу.

- Недальновидные мы, - покачал головой Алекс. - Давай скорей собираться, закатимся в ресторан.

Юля собрала вещи, и пока Алекс относил их к багажнику, преодолевая брезгливость, ступила в поросший небольшим болотцем, камыш. Под ногой чавкнуло, квакнуло, зашуршало, но Юля, набравшись смелости, задержалась еще на секундочку, чтоб сорвать коричневый стручок камыша.

На недоуменный взгляд Алекса, пояснила:

- От комаров дома зажгу. Помогает.

А сама на колени бережно положила длинный стручок с мягким, бархатным наконечником. Не зажжет – на память о сегодняшнем вечере оставит. Да и к чему камыш переводить, если москитные сетки на окнах стоят.

Заехали домой, чтобы наспех искупаться и переодеться. Голод немного поулегся, но все равно хотелось сытно отужинать, поэтому задерживаться не стали. Юля уложила набок тяжелые, еще влажные после душа волосы, надела воздушное алое платье, пастельного цвета туфли на высоком, но устойчивом каблуке, и вышла на крыльцо. На улице было темно, вечер опустился на плечи, сместив жару и даря легкую прохладу. Полноправно стрекотали в травах цикады, фонари зажглись по периметру. На душе было легко, хотелось беспричинно улыбаться и даже вприпрыжку скакать по ухоженной аллейке.

Юля подняла лицо, вдохнула полной грудью, покрутилась на месте в ожидании кавалера и встретила с печальным взглядом желтых кошачьих глаз. Бродский копилкой сидел на

подоконнике, укрыв лапы угольно-черным, как и он сам, хвостом, и с горечью смотрел на довольную жизнью хозяйку.

Девушка рассмеялась, щелкнула по стеклу пальцем, чем заслужила обиженный прищур.

- Ладно, иди, изведешь еще тут в одиночестве душу свою кошачью.

Пока отпирала дверь, появился Алекс. Мигнула фарами машина, приглашая забраться в терпко пахнущий салон. Юля махнула рукой и поторопила замешкавшегося Бродского. Кот тенью выскользнул прочь и сразу скрылся в высокой траве, а девушка направилась к автомобилю.

- Есть предпочтения? – по дороге в город спросил Алекс о выборе кухни.

- Нет, - отрицательно мотнула головой Юля. - Полагаюсь на твой выбор.

Приехали на тихую пристань, в популярную «Мистерию». Ресторан стоял на возвышении, прямо на реке. Уютный, декорированный в стиле «кантри», он имел хорошую репутацию и славился отменной кухней.

Внутри пахло лакированным деревом и едва уловимо – специями. Заняли столик у панорамного окна, сделали заказ. Юля устроила руки на коленях и принялась закатывать в трубочку кончик тканевой салфетки.

- Расскажи о себе, Юля, - попросил Алекс и откинулся на спинку стула.

В зале было полумрачно и практически пусто – народ ужинал на веранде, прямо у воды. Зажглись фонари по периметру пристани, но еще не успели разойтись как следует, и светили бледновато. С реки поднимался пар, рисуя по округе загадочный мистический пейзаж.

Отвлекшись от разглядывания пейзажа и взглянув на кавалера, задавшего нелегкую задачу, Юля усмехнулась кривовато, подумав, что такие просьбы обычно звучат до сексуального общения.

- Что именно ты хотел бы узнать? – пожалла девушка плечами, негласно соглашаясь разоткровенничаться.

Алекс задумался на минуту, а потом тоже повел плечами:

- Все. Расскажи мне все.

- Ого, в голове сразу стало гулко и пусто, - улыбнулась Юля, но отшутиться не удалось.

Саша наклонился вперед, сложил на столе ладони в замок, и всем видом принялся выражать готовность выслушать долгий рассказ.

Юле же вдруг расхотелось обнажать душу. Что она может поведать ему такого, чего он не знает сам? Она росла на его глазах, была перед ним как на ладони - все ее давние интересы, увлечения и хобби вызывали у Александра Сергеевича сардонический смех. По крайней мере, так было прежде.

Сейчас, в этом ресторане – среди уютного древесного запаха, в полумраке, после обнажающего души соития на берегу реки, Юля смотрела на красивое лицо собеседника, искала в глазах отголоски былой надменности и не находила. Но, это обстоятельство не успокаивало, а

настораживало – девушка не могла поверить, что ему, в самом деле, интересно. Ведь не может же наследный принц увлеченно слушать болтовню крестьянки. Юля утрировала, но дело обстояло именно так – она не чувствовала себя на равных с ним – выпестованным и лелеемым директорским сыном.

- Давай помогу, - нарушил Алекс тишину. - Начнем издали, от самых истоков. Расскажи о детстве, Юль.

Он словно ее заморозить пытался, смотря, не отрываясь, глаза в глаза. И это сработало бы, затронь он менее болезненную тему.

И что такого могла она рассказать, чтоб не пришлось краснеть? Юля стеснялась своего детства – до центра, до знакомства с нормальной жизнью.

- Все, что я могу сказать о детстве – одно единственное слово и оно непечатное. Сам догадаешься какое, чтоб не пришлось вслух говорить? И еще то, что часто мучаюсь желудочными болями, потому что в детстве мне приходилось голодать. Именно поэтому сегодня вместо жирных свиных ребрышек я заказала рыбу на пару.

Алекс ожидал чего угодно: долгой, проникновенной и душещипательной истории, но не такого некрасивого признания. Он и сам не знал, для чего принялся беречь Юлины воспоминания. Может, хотел узнать ее получше, или понять, что именно в ней так его привлекало.

Но, ее ответ только подчеркнул пропасть между ними.

Чтобы не плодить неловкость, Алекс промолчал. Да и что он мог сказать? Его детство было сытым и стабильным. Он не знал, что такое грызть кусок сухого хлеба два дня подряд.

Юля знала, что он опустит глаза, когда услышит ее «рассказ». И он опустил.

В этой неловкой тишине и заключалась вся неприятная правда. Им никогда не стать одним целым, каким только могут быть родственные души, родные люди. Они могут сколько угодно заниматься сексом – добротным, страстным, сжигающим дотла, но большего им не достичь. Не пересечь черты, не стать близкими по-настоящему. Ведь можно вместе спать и вместе просыпаться, оставаясь при этом чужаками друг для друга.

И разъединяло их отнюдь не противоположное от сытости детство само по себе, а то самое классовое неравенство, от которого не избавиться, разбогатев или обнищав. Раб остается рабом, даже если с него снять ошейник и отпустить на все четыре стороны, дав вольную. Потому что рабство и неравенство – в голове. Юля будет помнить свое унижающее достоинство прошлое, даже если покорит поднебесную. Будет стыдиться, и увильнуть от расспросов, избегать таких прожигателей жизни, как сидящий напротив папенькин сынок.

Алекс же, даже при большом желании, не способен понять ее. Наверное, в этом была вся разница.

Настроение оказалось испорчено. Испарилась та непринужденная легкость, что робко пролегла между ними. Юля продолжала комкать салфетку, Алекс смотреть на переплетенные пальцы. В такой атмосфере их и обнаружил официант, что принес заказ.

Ели, переговариваясь о пустяках, чтоб хотя бы немного вернуть вечеру былого уюта. Алекс рассказывал о Штатах, о работе, хотя ему те самые зажаренные ребрышки поперек горла ставали. Он то и дело мысленно возвращался к Юлиному лицу, когда она о голоде говорила.

Ему было интересно – тем самым черным любопытством, когда люди всматриваются в ужасные реалии: будь то культя калеки или застывшая посмертно гримаса: и страшно смотреть и невозможно оторваться. Как это – голодать, хотелось спросить Юлю. Что это значит – плохо поесть раз в день или вообще не принимать пищу неделями. Но, спрашивать не решился. Не хотел снова увидеть ее побледневшие щеки и отсутствующий взгляд.

Обошлись без десерта.

- Поздно уже, - сказала Юля, доставая бумажник. – Завтра работать нужно, перевод сдавать скоро.

- Я заплачу, - неприятно удивился Алекс ее порыву.

Пусть в Штатах он досыта насмотрелся на феминисток, что готовы были придушить его, но заплатить за ужин или за свою долю, Юлин порыв его почти что обидел.

Девушка подумала с полминуты, глядя на его нахмуренные брови и кивнула.

- Ладно. Спасибо за вечер.

Алекс расслабился и вложил купюры в папку.

По дороге снова по большей мере молчали. Переговариваться после сытной еды было лень. Да и такая уж была основа у их взаимоотношений – молчать. Смотреть, касаться, целовать, но не разговаривать.

Расстались у Юлиного порога. Она отперла дверь и обернулась к Алексу, что терпеливо ждал у ступенек. Теперь, когда девушка стояла на высоком крыльчке, они оказались одного роста.

- Сладких снов, - сказал Алекс и протянул руку, касаясь большим пальцем ее нижней губы – невесомо, но так, что мурашки по коже побежали.

- Взаимно, - ответила Юля и уже почти повернулась, чтоб уйти, но Алекс не дал.

Притянул к себе порывисто, обнял крепко, переплетя руки за ее спиной и поцеловал. Просто прижался своими губами к ее, и так замер на секундочку.

И как Юле было не ответить, когда манили сладостью его уста? С не меньшим пылом ответила на касание, и вскоре уже дыхание сбилось у обоих. Задыхаясь и с большой долей сожаления, Юля провела рукой по волосам Алекса и отстранилась.

- До скорого, - махнула рукой и вошла в дом, аккуратно закрыв за собою дверь и прислонившись к ней спиной.

Часть вторая. Жизнь и смерть.

***

Приходило утро, город был наг и пуст.

Леденели капли морской воды.

Надо мной читали сорокоуст, только он не отвёл беды.

Приходило трое земных волхвов, убегали в ужасе прочь волхвы,
говорили: «девка, дурная кровь», говорили: «выбрось из головы».

Приходили дни, оставалась блажь, приходили люди, к кому, зачем,
говорили: «этот, прости, не наш».

Леденели капельки на плече.

«Красота не вечна, чего ты ждёшь, ты такого сыщешь на чёрта с два»,
но в густой крови леденеет дождь, распадается на слова.

Приходили ведьмы, звенела медь, закипала брага на дне котла,
вот бы выйти в поле да умереть...

и не вспомнится, что была.

Приходил охотник, принёс ружьё, говорил, оставит до четверга,
говорил: «вот имя тебе моё, им открестись от врага»,
только то - не враг, то - белейший снег, то - святые воды Ильмень-озёр.

Мне не нужен, Господи, человек -
дикий зверь в лесу замедляет бег и глядит на меня в упор.

Говорит: «останься на два часа, отвезу до города на спине».

Дома - гулкие голоса, да забудешься ли во сне?

Капли пота на простыне.

Вижу зверя, слышу вороний грай, лай борзых собак бередит чутьё,
говорю: «пожалуйста, убегай», говорю: «вот имя тебе моё»,
только пуля сильнее любых имён да лицо моё, что белейший лён.

Говорит: «пожалуйста, мне поверь», а в глазах частят языки огня.

Разрывная пуля летит, звеня.

Одержимый зверем страшней, чем зверь, и стреляют они в меня.

Убегает зверь, прорывая ряд - как бы ни было, надо кормить зверят.

А в глазах моих закипает яд - прямо в спину пришёлся последний выстрел.

Истекло любовью смешно и быстро

сердце.

Больше не говорят.

Виктория Монасевич (Сопрано) (с)

***

Утро обещало быть тихим и неспешным, как и всегда в это благодатное летнее время. Щебетали ласточки, носясь у верхушек зеленых крон и грозя спикировать прямо на стекла вторых этажей. Лениво брехал соседский старый пес, Бродский ворчал у своей миски и методично хрустел улучшенным кошачьим кормом. Юля открыла окна на проветривание и вышла на крыльцо с чашкой чая.

Солнце скрывали облака, и день обещал быть не таким паляще-знойным, как накануне. Умиротворенную тишину растревожил приближающийся шум мотора и злое повизгивание покрышек на поворотах. Кто бы ни ехал, он был зол, и это чувствовалось за версту.

Не успела Юля устроиться на деревянном крыльчке, как раскрылись ворота, пропуская на территорию приюта директорский внедорожник. Скрипнули тормозные колодки, и через секунду отворилась дверца с водительской стороны.

- Поднимайся, - ткнув пальцем в Юлю и сделав рукой замысловатый жест, призывающий идти следом, Сергей Иванович быстро направился в сторону Сашкиного коттеджа.

Внутри у Юли что-то ощутимо оборвалось. От дурного предчувствия скрутило живот. Директор был зол. Почти что взбешен - таким девушка не видела его ни разу, пожалуй. И такому поведению было только одно объяснение.

Отставив кружку, Юля направилась вслед за директором. А он уже нетерпеливо колотил кулаками Сашкину в дверь.

Увидев отца на пороге, Алекс удивленно поднял брови. Спросонья он не очень-то понял, что отец разъярен, посторонился, пропуская родителя и потирая пальцами глаза.

Юля прошла следом за директором, так как он обернулся на пороге и властно кивнул, зовя за собой.

Как только Алекс запер за визитерами дверь, Сергей Иванович перешел к делу:

- Вы что, совсем из ума выжили? - сказано это было злым шепотом, при том, что на мужчине в прямом смысле не было лица.

На бледном полотне - ни кровинки, только черные круги под поблескивающими глазами и небрежная щетина на впалых щеках.

Выглядело это пугающе.

- Ты, - ткнул он пальцем в сына. - Портишь девку на глазах у тех, кто не прочь этим зрелищем полюбоваться. А ты, - перевел он взгляд на воспитанницу, - девочка-припевочка, которую я всем всегда в пример ставил, как самая последняя шлюха раздвигаешь ноги по первому зову.

- Папа, - поморщился Алекс, но Сергей Иванович не дал ему и слова сказать.

- Молчать, пока не убил, - прикрикнул родитель. - Вы, да вы посрамили, опозорили, выставили меня самым последним идиотом! Как ты могла? - снова повернулся к Юле директор. - Ладно, этот ущербный, но ты - Юля! Ведь я воспитывал тебя как родную, все наставления, что получала - только лучшие, от самого сердца. Разве учит Библия плохому? - у мужчины от переполнявших душу эмоций закружилась голова.

- Отец, перестань кричать, - снова подал голос Алекс.

Ему было досадно, что так случилось, но отнюдь не стыдно. Отвык стесняться плотских потребностей. Юля же стояла, опустив голову. Внутри у нее такой ураган бушевал, что не описать. И пусть не жалела ни о чем из содеянного, потому что для нее произошедшее между ними с Алексом чистым было, не оскверненным, еще было непередаваемо стыдно стоять сейчас перед директором. Жалко и обидно от того, что не оправдала его надежд и в глазах не просто упала - запятналась.

- Я перестану, - согласно кивнул Сергей Иванович. - Потому что пока ехал сюда, все решил. Что толку воздух сотрясать, если вы - два бестолковых существа, попрали все, что только могли. В общем, так. Берете паспорта и садитесь в мою машину. До загса доведу и прослежу, чтоб все - честь по чести. А там - как хотите. Можете ухать в Штаты, или оставаться тут на потеху публике.

- Да ты что! - опешил Алекс. - Какой загс? Мы же толком не знаем друг друга.

- А надо было познакомиться, прежде чем штаны снимать - у всех на виду, надо было подумать, до того, как позорить отца на весь белый свет. Завтра сарафанное радио облетит всех - и кто нас лично знает, и кто только понаслышке верхов нахватался. Растреплют в миг, что мой сын с воспитанницей мало того, что о заповедях Божьих забыли, не иначе маразм случился, так еще и задницами голыми сверкали на все побережье, - зло прищурился Алекс, ответил директор сыну.

- Прекрати блажить, - вдруг жестко ответил отцу Алекс. - Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к твоей церкви и ее прихожанам. Плевать я хотел на слухи, сплетни и пресловутое сарафанное радио.

- Прекрасно, - перебил сына Сергей Иванович. - А о Юльке ты подумал? Что у нее за спиной станут болтать? Дескать, попортил и забыл?

Они, словно забыли, что Юля слышит этот разговор. Так увлеклись, что просто забыли об ее присутствии.

- Она не маленькая девочка, а давно уже совершеннолетняя, - усмехнулся Алекс, - и в состоянии сама выбирать и отвечать за содеянное. Твои взгляды, отец, - прошлый век. Если следовать им, то я уже должен быть многоженцем. Поэтому говорю один единственный раз - я не собираюсь жениться. Ни сегодня, ни завтра, и уж тем более не на Юле.

Что ответил сыну директор, Юля уже не слушала. Ее вдруг страшно утомила эта семейная перебранка. Больше не было ни стыдно, ни неловко. Сознание словно в стазис погрузилось. Сквозь туманные обрывки фраз девушка почувствовала нарастающую гастритную боль и, отвернувшись, налила себе стакан воды прямо из-под крана. Выпила, громко глотая, но жажда не отступала. Только зубы заломило.

- Значит, жениться отказываешься? - пробился к сознанию голос Сергея Ивановича. Усталый и безэмоциональный.

Юля обернулась.

- Естественно, - пожал плечами Алекс и присел на стоящий неподалеку табурет. - Послезавтра улетаю обратно в Штаты. Работа зовет.

- Вот как, - покачал головой директор. - Ты, одно из самых горьких моих разочарований, сын.

- Я бы сказал, что мне жаль, но ложь - смертный грех, - горько усмехнулся Алекс.

Ему было никак. Вообще. Вся эта ситуация возникшая на пустом месте, казалась ему абсурдной и не стоящей такого пристального внимания. Не случилось никакой трагедии, что с того, что они с этой девчушкой занимались сексом? Ни он, ни она не имели никакого сана, никаких обязательств перед церковью. Опозорили отца? Переживет. Был бы не таким святошей, придумал бы для народа знатную байку.

И все же, не смотря на хладнокровие, Алекс почему-то не мог поднять глаза на Юлю. Ему казалось, что он увидит там ледяное презрение. Или боль. Ничего из вышеперечисленного Алексу видеть не хотелось. Такое странное ощущение со дна души поднималось - досадное, саднящее, словно непоправимое совершил.

- Значит, вот как мы поступим, - подал голос директор, ранее что-то обдумывающий. - Александр, ты уезжаешь в Штаты, и можешь быть свободным от родительского ока. Не хочу ни видеть тебя, ни слышать. А ты, Юля, - мужчина не перевел на нее глаз, продолжал говорить, глядя в сторону. - Собираешь вещи и чтоб к завтрашнему утру тебя тут уже не наблюдалось. Как ни странно, мой непутевый сын правильно сказал - ты уже давно выросла и должна нести ответственность за свои поступки. Ты не могла не понимать, что все тайное рано или поздно становится явным, и я узнаю о вашем непотребстве. Ведь не могла же не подумать о последствиях? - на этом директор все-таки посмотрел девушке в глаза.

Она не стала кивать или что-то говорить. Посмотрела на директора, потом на его старшего сына: не видя практически, словно сквозь, будто они были бестелесными оболочками, и вышла из домика, плотно прикрыв за собой дверь.

Глаза были сухие - от горечи, больно было моргать, а в животе уже полыхал пожар. Закусив губу, Юля прошла к себе в коттедж, не заметив на деревянном крылечке позабытую чашку с остывшим чаем.

Щелкнул за спиной дверной замок и Юля, бессильно закрыв лицо руками, села на пол.

***

- Ты сошел с ума! - прикрикнул Алекс на отца. - Зачем выгоняешь ее?

- Ей больше не место тут, - на этом Сергей Иванович решительно прекратил перепалку с сыном, выйдя прочь.

Через минуту послышался завод мотора.

Бродский наворачивал круги вокруг хозяйки и жалобно мявчал, бодаясь пушистой башкой в бока и спину. Саша стучал в двери и злился, крича, что им необходимо поговорить. Юля так не считала. Она все так же сидела на полу и не могла подняться. Сил не было.

Она не знала, как именно Алекс должен был поступить в этой некрасивой ситуации, но

понимала - не так, как поступил, ой, не так. Опустошенная, девушка не могла разобрать, что чувствует сейчас. Разочарование? Да, пожалуй, абсолютное. Боль? Совершенно верно, жгучую, иссушивающую слезы еще до того, как они успевали пролиться.

А еще, девушка совершенно не представляла куда податься. За двенадцать часов ей не найти жилья. Многочисленные подруги - не тот вариант, родственников Юля не имела. По крайней мере, таких, кто мог бы приютить ее на время. Да и не хотелось унижаться, прося, и стеснять кого-то.

Да еще ведь нужно было собрать вещи.

Стук раздражал. Отвлекал. Потерев глаза ладонями, словно это могло избавить от рези, Юля поднялась.

- Что тебе, - распахнув двери так внезапно, что Алекс отшатнулся, девушка оперлась плечом о косяк.

Ноги ее совершенно не держали.

- Юля, - Алекс замолчал, будто и сам не знал, что хотел сказать.

- Я все понимаю, - покачала головой Юля. - Тебе не нужен брак, тем более с такой как я, ты не переступишь через собственный зарок, данный однажды пасторской дочке. Да и я, знаешь ли, не горю желанием идти под венец. Так что, никаких проблем.

- Вся эта ситуация с отцом - так не должно было случиться, - в раздражении Алекс запустил ладони в волосы. - Он отходчивый, пройдет несколько дней и все станет как прежде.

- Ты сам веришь в то, что говоришь? - усмехнулась Юля. - Как раньше уже никогда не будет. Разве что ленивый не станет шептаться мне вслед. И твой отец больше не станет мной гордиться. Это позор, Саша.

В ее словах была правда, и Алекс это понимал.

- Мы сделали то, чего нам двоим хотелось.

- Совершенно верно, - кивнула Юля. - И если ты думаешь, что я виню тебя в том, что так произошло - зря. Я уже большая девочка и в силах признавать свои бездумные поступки. Мне пора собираться, так что прощай. Приятного полета.

- Постой, Юля. Возьми, - и он протянул ей свернутые в тугой бочонок зеленые купюры, закрепленные крепкой денежной резинкой.

Юля округлила глаза, засмеялась:

- Ты сошел с ума.

И, сказав это, она захлопнула дверь прямо перед его носом.

Алекс заскрипел зубами от упрямства этой гордячки. Он просто не понимал, насколько обидел Юлю отступными.

Как попало кидая в сумку вещи, Алекс ругался сквозь зубы. Он был недоволен собой, недоволен тем, как сложились их с Юлей отношения. Он хотел приятного общения, легкого и

беззаботного, а получил нечто странное, горячее, срывающее все стоп-сигналы. Было почти что больно расставаться с ней вот так – грязно, некрасиво, неправильно. Но, он не в силах был дать ей то, что предложил отец. Если разобраться, Алекс вообще ничего не мог предложить ей.

Уезжать ему было рано, поэтому он просто покидал в сумку все ненужные вещи и устроился на постели, закинув руки за голову.

***

Нажитых вещей оказалось не так уж и много. Все, что было мило сердцу, переименовалось в бесполезный хлам, и было снесено в мусорные баки: открытки, письма, старые конспекты, сувенирные фигурки. Зимние вещи упаковались в прозрачные чехлы, летние – в спортивную сумку. Книги Юля сложила в деревянный ящик, что нашелся в одном из боксов. Еще одну сумку заняла косметика. Документы устроились в ручном дамском саквояже, а Бродский, вместе с едой и мисками – в своей кошачьей перевозке. Вызвав такси, Юля вышла на улицу, попутно утирая лоб от испарины.

Оказалось, что день, в самом деле, выдался не знойным. Ветер нагнал тяжелых облаков и они прочно затмили собою солнце.

Оглянувшись по округе, Юля почувствовала явственный укол в сердце. Столько лет этот уют был ее домом. Настоящим – отчим. Тут она смеялась и плакала, дружила и ненавидела. Выучилась, бродя по ухоженным аллеям и зубря конспекты. Закалилась характером, чистя ненавистные овощи, и загрубела ладонями, выдирая сорняки из грядок клубники. Здесь, в этом приюте она влюбилась. И эта влюбленность, надо же, парадокс, лишила ее дома. Заставила удирать как зайчишку трусливого: поджав уши и мелко трясясь.

Приехала машина, таксист мигнул фарами. Юля поднялась. Седой мужчина, разглядев количество сумок, выбрался из салона, открыл багажник и помог загрузиться.

Устроившись в салоне, Юля захлопнула дверь и назвала адрес. Автомобиль неспешно тронулся. Горечь разлилась по венам, осела на языке.

Вещи – ненужное сезону и кое-что из бытового: кружку любимую, подаренную посуду, тостер, чайник, оставили в гараже институтского товарища.

Сама же Юля, отпустив такси, направилась к автобусной остановке. Комендант общежития, чьей внучке девушка по средам и субботам вбивала в голову глаголы и наречия, выделила Юле маленькую комнатку на время.

Вариант был неплохим, так как потратить деньги на гостиницу Юля себе не могла позволить. Нужно было питаться чем-то.

- Все жильцы мои по домам разъехались, - говорила в трубку суровая женщина. - Пустует общежитие, так что на месяц-другой заезжай, раз надо.

Юля, хоть и числилась в студентках, иногородней никак не была, и посему комендант нарушала устав – осознанно, но совершенно не переживая по этому поводу. Даже Бродского разрешила взять, хотя это было вообще вопиющим делом.

- Может, хоть крыс переловит, - себе под нос сказала старушка – так, чтоб Юля не услышала.

Комната оказалась маленькой, пыльной, с окрашенными в грязно-зеленый цвет, стенами.

Кухня – с кривой раковиной и допотопным холодильником, была общей, находилась в конце длинного коридора, напротив такой же неприватной душевой.

После роскошного домика обстановка общежития представала еще более убогой, чем могла бы показаться неискушенному наблюдателю.

Бродский воротил носом и напряженно следил за рыжим тараканом, нахально ворочавшим длинными усами из-за угла тумбочки.

- Ну что, кот, настала новая эра. Эра борьбы с примитивными видами, - сказала вслух Юля и взяв сумку, направилась в ближайший супермаркет за мелком от паразитов.

***

К вечеру Алекс привычно устроился на лавке под каштаном. На коленях покоился забытый планшет с модной игрой, поставленной на паузу. Рядом исходил паром кофе, налитый в большую глиняную кружку. Вот только, ничего из благ не радовало мужчину, поскольку без Юли на этой громадной территории ему было пусто.

Так пусто, что ветер завывал где-то внутри. Алекс чувствовал себя скотиной и осознавал, что таким, по сути, и является.

Теперь, когда Юля уехала, а он даже не сподобился проводить ее, мужчина вспомнил, что не знает номера ее телефона. Он вдруг остро понял, что эта светлая девочка – лучшее, что встречалось ему за долгое, очень долгое время.

Да, было досадно. И больше ничего не держало его здесь – в этом провинциальном городишке. Выйдя из игры, Алекс зашел на сайт авиакасс и заказал билет уже на завтра.

Затем, вылив нетронутый кофе в колосящуюся поблизости траву, зашел в дом, где проглотил таблетку снотворного и лег в постель. Вскоре мужчину сморил пустой сон. И отсутствию сновидений Алекс был только рад.

***

2008 – 2009 год.

Быт настолько поглотил Юлю, что тосковать не находилось ни времени, ни сил. Кроме благоустройства комнаты много энергии уходило на учебу. Именно ей девушка посвятила все лето.

В конце августа стали съезжаться студенты, но тетя Вера – старая комендантша, будто позабыв, что Юля только временный гость, оставила за ней комнату. За это девушка удвоила время занятий с комендантской внучкой, даже не подозревая, что такая мера – лишнее.

За глаза старушка называла ее «бедной сироткой» и именно жалостью была обусловлена комендантская расположенность.

Время летело.

Вскоре после начала студенческих будней ректором был объявлен конкурс за лучшую научную работу. Три победителя отправятся на практику в Великобританию.

Юля отправила готовый труд спустя час после торжественной речи. И через два месяца, заняв второе призовое место, разглядывала облака из узкого иллюминатора. А еще через некоторое время, вдыхала сизый, влажный воздух Лондона.

Их поселили в одной из частных школ Уилтшира – поблизости широко известного Стоунхенджа.

Местечко было живописным, с зелеными лугами, школа – уютная, светлая, с поскрипывающими деревянными ступенями и замершими в воздухе пылинками.

Юля помнила ужас первого впечатления, когда сидя в метро рядом с коренными жителями – не могла понять и слова из сказанного, потому что все они сливались в быстрый, бессвязный поток. Изредка она улавливала отдельную фигуру речи, но этого было ничтожно мало. Столько лет утомительной учебы, куцых летних практик, мучений, чтобы по факту растеряться от исконно английского говора и манеры большинство гласных тянуть как сплошное «о». Юля краснела, злилась, но вслушивалась и повторяла про себя все непонятные фразы.

Сейчас, спустя время, вспоминая тот страх провала, девушка улыбалась. Она помнила так же и то, что уже спустя несколько дней к ней вернулось понимание, и она без труда разумела речь говорившего. Даже думала на английском, на чем частенько себя подлавливала.

Еще две девчонки, которым выпало разделить радость путешествия, были близнецами и пока что Юля их отчаянно путала. Одну из сестер звали Оля, вторую Олеся. Они имели практически идентичную внешность, и смотрелись совершенно одинаковыми, но только на первый взгляд. Присмотревшись, можно было увидеть разный пробор на волосах, и слегка, едва уловимое различие в тоне локонов. Пока что на этом для Юли и заканчивалась классификация новых подруг. Издали же, девушка так и не научилась их различать.

Сестры были на несколько лет старше Юли – обе уже оканчивали магистратуру. Впрочем, это никак не помешало им подружиться.

Полгода пролетели как один миг. Уезжать не хотелось.

Тяжелая учеба, редкие вылазки в центр Лондона, любования Темзой и бесподобными, прославленными на весь мир достопримечательностями, сплотили девушек и расширили их круг общения. Заводились знакомства, романтические встречи (близняшки находили время для веселья даже в стылые и холодные вечера).

Большой город, приветливые внутри и чуточку хмурые снаружи люди, покорили девическое сердце. Забылись обиды – такими пустыми показались, глупыми, что не находилось ответа – зачем их только хранит? Выбросила из головы Сашку и его малодушность, трусость. Забыла, как плакала по ночам в общежитии и в отчаянии гладила Бродского по теплому меху. Отдалась новым впечатлением, новым знаниям. Переменам.

И так незаметно минуло время, неумолимо быстро. Пора была паковать чемоданы и возвращаться на родину.

- Юль, к тебе Дариан пришел. У кофейного аппарата стоит, - заглянула в комнату Оля и совершенно по лиходейски подмигнула девушке. – С букетом полевых – малюсеньких таких синих цветочков. Забавно смотрится.

Юля отставила в сторону хрупкую вазу – подарок для старой вахтерши и встала, поправляя подол.

Дариан был одной из основных причин, почему Юля не хотела уезжать.

- Привет, милая, - приветствовал Юлию мужчина, обнимая за талию и целуя в висок.

- Здравствуй, - улыбнулась девушка, принимая нежные цветы.

- Собралась уже или помочь? - не отпуская ее руки, спросил Дариан.

- Немного осталось, подождешь? А потом сходим в кофейню, - потянула Юлия за собой мужчину.

Впрочем, он совсем не сопротивлялся.

Дариан преподавал высшую математику в Вестминстерском университете и был на девять лет старше Юли. Познакомились они, когда группа студентов по обмену, к которым присоединились и девочки, отправилась на экскурсию по центру Лондона.

У входа в «Старбакс» Юля увидела, как молодой мужчина обронил двадцать фунтов стерлингов. Он проходил мимо и, разминувшись в дверях, легко задел Юлю плечом. Тогда девушка и увидела, как мужчина сунул купюру мимо кармана. Окликнув успешного прилично удалиться мужчину, Юля пошла следом за ним. Нагнав, девушка коснулась плеча и он обернулся. Молча протянув ему купюру, девушка засмотрелась в ясные глаза. Мужчина имел тот самый «западающий в душу типаж», ибо был светловолосым и светлоглазым, с бледными губами и мужественными, немного ассиметричными чертами. Щеки его покрывала легкая щетина, волосы ерошил ветер и мужчина, посмотрев на Юлю, а затем на купюру в ее руке, поднял воротник пальто и насмешливо изогнул бровь:

- Маловато для взятки, что она не означай.

- Вы обронили у кофейной, - ответила Юля и сунула купюру ему за воротник.

Уже повернувшись к нему спиной, почувствовала касание кожаной перчатки к ладони.

- Спасибо, милая девушка.

И на этом встреча оказалась бы забытой и мимолетной, если бы Юлю не нагнали знакомые.

- Мистер Хейли! - удивленно воскликнул один из долговязых парней из студенческой тусовки.

- Привет, не ожидал вас сегодня тут увидеть.

- Кэри, - легко улыбнулся разбрасывающий-по-улицам-Лондона-денежные-купюры, мужчина.

Разговорившись, перезнакомились и вернулись в Старбакс за еще одной порцией напитков навынос. И Дариан остался с ними, ибо невозможно было пройти мимо гурьбы русских студентов пополам с коренными англичанами. Шумные и перекрикивающие друг друга, они лавиной неслись на встречных прохожих, поглощая их и втягивая в водоворот веселья. Смеющиеся и подшучивающие друг над другом, молодые, задорные, они заражали позитивом не только степенных и чопорных англичан, но заодно и фотографирующих все подряд туристов.

Пока общались, Дариан не выпускал из ладони Юлину руку, а она стеснялась грубить и ее отнимать.

Стемнело уже, зажглись различные огни, делая ночной Лондон городом мечты и покровителем

влюбленных. Студенты разбились по парочкам и не торопясь разбрелись кто куда. Олеся, пока не видел мистер Хейли, состроила Юле рожицу и сделала вид, что целует пальцы – скопировав жест южан, продающих персики. Девушка рассмеялась, закинув голову к сереющему небу, и беззаботно пожала плечами на недоумение Дариана.

- Ты очень красивая, - сказал мужчина и остановился посреди площади.

Юля опустила глаза на его завязанный петлей, мелкой вязки шарф. Незнакомое томление охватывало ее. Будто в животе что-то тепло сжималось в комочек.

- Спасибо, ты тоже.

Настал черед Дариана смеяться, запрокинув голову.

- Я сказал это, не напрашиваясь на ответную вежливость.

- Знаю.

- А еще я должен тебе ужин - ты вернула мою двадцатку.

- Она не стоит больших трат, - и в голосе, и на лице Юлии ощущалась улыбка.

- Я свожу тебя в Макдоналдс, чтоб остаться при своих, - Дариан явно подтрунивал и это нравилось Юле.

- Договорились, - кивнула она.

Он не повел ее в бистро. Следующим вечером, заехав за девушкой в Уилтшир, Дариан отвез ее в Ричмонд на Темзе, в уютный ресторанчик, где заправляла итальянская семья.

Разговаривали обо всем на свете, попивая вино и заедая его отличной пастой. Юля давно не чувствовала себя так беспечно и легко. Словно и не случилось ничего дурного в ее жизни. Дамиан покорила ее обаянием, а еще некоторым сходством с Джудом Лоу. Шутя, Юля даже спросила - не приходится ли он родственником известному актеру. Дамиан ответил, что он - его младший братишка. И так улыбнулся, что Юля «почти» поверила.

Дамиан ухаживал красиво, по-доброму, без излишнего пафоса. И добивался ее настойчиво, совершенно не скрывая, что интересуется ею, как мужчина. Его поцелуи волновали, а крепкие касания разливали по венам жар. Это не было похоже на бушующие страсти при контакте с Алексом, но напоминали Юле о доме, тихую пристань на берегу моря, где она может быть собой - простой девочкой, которая не гонится ни за обожанием, ни за влюбленностью. И она была. Настоящая, без лицедейских масок. Она смеялась, когда было смешно, и кричала, когда злилась. Дариан ее понимал. Больше того, он ее принимал. Со всеми причудами и недостатками. С заскоками и порой дурацкими убеждениями.

- Ты же филолог, или как еще зовут этих вечно копающихся в словарях людишек, - смеялся Дариан, - а я вот, ум, что с логикой знаком не понаслышке. Так что, не спорь.

Но, Юля спорила, и даже когда оказывалась не права, тоже. Правда, спустя время безоговорочно соглашалась с тем, что сглупила.

И вот, после шестимесячных отношений - разлука.

Юля плакала, когда он целовал ее по пути в аэропорт. Впервые - прилюдно, плакала, ожидая

очереди на посадку. Терминал был забит людьми, но это ее совсем не волновало.

- Будем созваниваться по скайпу, - обещал Дариан. - Время быстро пролетит, защитишь диплом, а потом и оглянуться не успеешь, как увидимся. Не плачь, милая, прошу тебя, - его ласковый шепот звучал в голове весь полет.

Юля верила Дариану. Как никому другому в жизни. Она верила, что он ее дождется. И все, что было до него - осталось в прошлом.

***

Бродский исхудал. Он орал, нарезая круги вокруг Юлиных ног и все терся, терся, щекотал усами.

- Мой хороший, я тоже соскучилась, - бормотала девушка, попутно наводя порядок в комнатке. - Вот ты кричишь, а ведь тетя Вера наверняка закармливала тебя домашними пирогами. И оголодал ты только потому, что как ошалелый мотался по городам и весям.

Родная провинция после шикарной столицы королевства показалась Юле убогой. И вроде бы все было как прежде: разбитые дороги, валяющийся у обочин мусор и куда ни глянь, хамоватые люди, к которым давным-давно успела привыкнуть, реальность угнетала.

Вернувшись в свою темную общажную каморку, Юля снова почувствовала себя разбитой. Навалились ненужные воспоминания, да и осознание, что в этом городе полно тех, кто, увидев ее, будет потом долго за спиной судачить, оптимизма не добавляло.

Одна из таких встреч не заставила себя долго ждать.

Возвращаясь из супермаркета, Юля столкнулась с работающей в приюте воспитательницей. Это была тяжелая на характер женщина, обычно грубоватая и угрюмая. Она поздоровалась кивком головы и окинула Юлю таким презрительным взглядом, что внутри у девушки все перевернулось. Может, и показалось, - подумала девушка, но вскоре отвергла эту мысль, поскольку воспитатель прошла мимо, даже не обмолвившись с ней и парой словечек. Даже отвернулась, да с таким видом, будто увидала гадюку. Причину такого поведения Юля знала - после того, как кто-то увидел их с Алексом на берегу реки, она стала парией в глазах церковного прихода. Вот только, сама девушка отнюдь не считала свой поступок достойным презрения.

Впрочем, вскоре хлопоты с написанием, и последующей защитой дипломной работы так поглотили Юлю, что всякие глупости из головы попросту выветрились.

***

2010 - 2014 годы

Уехать сразу после защиты не удалось. Возникли небольшие сложности с транспортировкой Бродского. Пусть у него наличествовал паспорт, были срочно нужны какие-то дополнительные прививки, а их ветеринар оказалась в отпуске. Пока привили, пока оформили бумажки, Юля вся извелась. Некогда любимый и родной сердцу город стал ощущаться враждебным, и поэтому обратиться отсюда хотелось как можно скорее.

Когда самолет взлетел, Юля почувствовала себя так хорошо, что в груди потеплело, а по лицу расплзлась широкая улыбка.

- Ты стала еще прекрасней! - прошептал на ухо Дариан, крепко прижимая к себе хрупкую фигурку.

Люди обтекали парочку густой волной, но Дариана с Юлей это особо не заботило. От него пахло корицей и еще чем-то теплым, домашним, и Юля даже не представляла себе, насколько соскучилась по этому сочетанию ароматов.

Пока ехали из аэропорта, Юля думала о житейских странностях: можно видеть человека изо дня в день годы напролет и так и не суметь раскрыться, стесняться в его обществе быть собой настоящей, а можно довериться незнакомцу и стать с ним по-настоящему счастливой.

Дариан жил неподалеку от своего университета - в неприметном, но ухоженном на вид здании, на шестом этаже. Квартирка была двухкомнатная, с совмещенной кухней по типу студии. Когда Юля заикнулась об аренде жилья пополам со старой подругой, Дариан рассердился. Таким - немного грубоватым и взъерошенным, девушка видела его почти что впервые, и это ее позабавило.

- Я ведь не зову тебя замуж, - глотая от волнения гласные, выговаривал он. - А всего лишь жить вместе, по-твоему, это так много?

В знак капитуляции Юля подняла руки, показывая, что сдается. На том и порешили.

Бродский в новом жилище чувствовал себя полноправным хозяином, причем, освоился мгновенно. Он и раньше любил новизну: еще живя в центре прочесывал окрестности в поисках дамы сердца, ароматных трав и юрких полевок. А уж после переезда, познакомившись с Дарианом, который кота немножко помучил, пока Юля не видела, и вовсе раскрепостился. Кот облазил все углы, обнюхал, и, судя по всему, остался территорией доволен. Адаптация прошла успешно - как для животного, так и для людей.

После нескольких ленивых дней, состоялась бурная встреча с друзьями, где народ веселился, танцевал и пел в караоке. Так же просто, как совершился переезд, нашлась работа. В ближайший Старбакс требовался бариста и Юля, не мудрствуя лукаво, отправилась на пробу. Работа была нехитрая, коллектив показался дружелюбным, оклад - приемлемым для первого времени. И, вместо напряженной умственной деятельности, которой девушка была занята долгий час, будни наполнило живое общение и незамысловатое творчество. Вселенная, словно опомнившись, стала одаривать щедро, как может только она. В самом деле, сколько можно крутиться в водовороте страхов и волнений - думала девушка и дары принимала, радуясь, что в жизни настала белоснежная полоса.

И время снова понеслось. Работа, общение с друзьями, новые знакомства, развивающиеся отношения с Дарианом - круговерть поглотила, заставила измениться, стать другим человеком.

Практически исчез акцент, речь все больше уподоблялась говору коренных англичан, смылся загар, приобретенный в родном городе, и кожа стала бледной, прозрачной. Поддавшись порыву, Юля подстриглась и окрасила волосы в более золотистый цвет.

Ей вслед оборачивались. Искоса поглядывали женщины, мужчины все больше с тоской вздыхали, иногда - приглашали на свидание.

В прежде затуманенных от тоски глазах зажегся лукавый огонек, веселье. Юля чувствовала себя свободной и живой - как никогда раньше.

И как ни странно, случай снова свел их.

Это было похоже на издевку судьбы, или являлось ничем иным, как испытанием от благоволящей Вселенной. Проверкой на прочность: всколыхнутся ли бывшие чувства, поднимется ли осадок со дна души.

Юля была не на смене, но заглянула в кофейню, чтобы отдать Меган деньги за предыдущий выход: девушка прикрывала Юлю, когда ей необходимо было прибыть в посольство для продления визы. Устроившись за угловым столиком и, раз уж пришла, попивая имбирный латте, Юля лениво осматривала улицу. Взгляд зацепился за ярко красный зонт среди массы подобных по форме, только черных. Аксессуар был приметным, как и женщина, что его несла. Ее пепельные, коротко стриженные волосы растрепались и завились от влаги. Она была немолода, но красива, лицо светилось тем особенным обаянием, довольством, от которого сами собой разглаживаются морщины. Юля улыбнулась незнакомке, встретившись с ней взглядом. Женщина в ответ слегка наклонила голову, и от этого простого жеста на душе у Юли сделалось теплее. Вот в тот самый момент и раздался раскатистый и полувопросительный возглас на русском:

- Юля?!

От интонаций знакомого голоса, еще до того, как подняла голову, прошибло током.

Этой шальной встречи, по мнению Юли, просто не могло случиться. И все же, встретившись взглядом с этими невозможными, родными серыми глазами, девушка убедилась – могло. И еще как.

Алекс широким шагом пересек небольшое помещение и сел напротив. В руках у него было два мокко навынос.

- Вот это встреча, - после небольшой паузы, продолжил он и улыбнулся. - Я чертовски рад тебя видеть, - эта фраза была сказана на английском - видимо, имя по-русски вырвалось от удивления.

Юля улыбнулась в ответ, по большей мере забавляясь американским налетом на речи. Но, акценты быстро сместились, когда Алекс взял ее за руку.

Скрипнула мягкая кожа, когда на ткань легли тонкие пальцы. Надо же - столько времени прошло, а он все еще носит перчатки, - подумала девушка.

И словно угадав ее мысли, Алекс ловко снял левую перчатку и накрыл Юлину руку теплой ладонью.

- Почему ты молчишь?

- Не знаю просто, что сказать, - пожала плечами Юля. - Не ожидала встречи.

- Как ты поживаешь вообще? Какими здесь судьбами? - вопросы сыпались из Алекса, как песок из решета.

Он тоже изменился. Волосы заметно отросли и засеребрились сединой у висков. От глаз лучиками разбегались морщины - видно было, что он часто улыбается.

- Все хорошо, уже год живу здесь, работаю, - ответила Юля.

Алекс покивал и продолжил молча смотреть.

Юля была на диво хороша. Так ладна, красива, свежа и юна, что у Алекса вспотели ладони. Разом вспомнилось все – как целовал ее, как ласкал. Как она смотрела своими неземными глазами, с обожанием на дне зрачков и безудержной, выплескивающейся наружу преданностью. А как отдавалась она! Как никто и никогда больше не отдавался.

Юля ненавязчиво отняла свою ладонь, освобождаясь из захвата крепких пальцев, и это движение вывело Алекса из фантазий.

- Что там дома? – спросил мужчина.

- Не знаю, – пожала плечами. – Я давно уехала, да и после того случая ни с кем из приютовских не общалась.

- Даже с отцом? – нахмурился Алекс.

- Тем более с ним, – опустила глаза Юля.

Помолчали.

- Ты иди, – вскинулась девушка. – Кофе стынет.

Алекс перевел взгляд на бумажные стаканы, поднял брови недоуменно, словно впервые их увидел, а Юля, с усмешкой отвела взгляд от гладкого колечка на его безымянном пальце левой руки.

- Оставь свой номер, Юля, прошу тебя, – смотря прямо в глаза, Алекс протянул ей свой мобильный.

- Зачем это нужно? – засомневалась девушка.

- Не хочу снова потерять тебя, – это было сказано так просто, сорвалось с языка легко-легко.

Словно он и не отрекался. Будто бы не предавал.

И пусть Юля давно забыла о его проступках, да и не считала его ни в чем виноватым, Алекс чувствовал себя предателем. И самым что только есть – дураком.

- Нет, – не притронувшись к Блэкберри, ответила Юля. – Я работаю здесь, два через два. Если захочешь поговорить – заходи. Но, звонить мне – нет нужды.

Алекс, наблюдая за ее мимикой, кивнул рассеянно и вздрогнул, когда легкая ладонь властно легла ему на плечо.

- Милый, ты так долго, – наманикюренные пальчики ухватили один из стаканчиков. – Даже кофе остыл.

Юля наблюдала за незнакомкой, с минуту – когда она только вошла. И по прищуренному от недовольства взгляду, сразу поняла, кто приближается.

- Дарла, – охрипшим голосом произнес Алекс. – Идем.

И неловко улыбнувшись Юле напоследок, он поднялся, взял свой кофе, подхватил под локоть

мелко семенящую впереди супругу, ушел.

И только когда дверь кофейни закрылась за ними тихим щелчком, Юля смогла выдохнуть.

***

Первым делом Дарла спросила, с кем это Алекс расслаживается, пока она изнывает от скуки в автомобиле.

Так и поинтересовалась – недовольно и слегка капризно:

- Кто эта девушка? С чего вдруг ты к ней подсел?

Не менее раздраженно мужчина ответил, что это была старая знакомая.

Он умолчал о том, что эта та самая девчонка, которую он не может забыть. Словно под кожу ему забралась, на веках отпечаталась.

В вечер встречи сон Юле не шел. Она вертелась и не могла найти удобную позу, в которой сон, наконец, сморит ее. Дариан тоже крутился – вздохами Юля и ему мешала отдыхать. Пожалуй, только Бродский дрых без задних ног, чем заслужил завистливый женский взгляд.

Встреча, в самом деле, всколыхнула воспоминания. Юля припомнила, как жадно хотела его – до кончиков пальцев, всего целиком: обладать. И сейчас от былых чувств грусть накатила – не ностальгия, нет. Озарение, что глупо было так сгорать. Тоска, что нельзя вспять повернуть прожитое.

Дариан, шестым чувством уловив сомнения Юли, прижал к себе крепко, поперек живота ухватив, и сказал властно:

- Спи.

И Юля закрыла глаза, вспомнив умную русскую поговорку: утро вечера мудренее.

Утром ее разбудили мерное урчание Бродского, от тяжести которого было не вдохнуть, и запах выпечки из ближайшей кондитерской.

- Красавица моя, - позвал Дариан. – Завтрак. Знаю, что ты проснулась, вставай.

И улыбнувшись, Юля встала, потеснив наглую мохнатую морду.

***

Он пришел, когда стемнело. Заказал эспрессо и устроился за недавним столиком. Когда наплыв людей временно иссяк, Юля захватила тряпку и вышла ему навстречу.

- Я не знаю, как и что нужно сказать, - усадив ее рядом с собой, заговорил Алекс. – Но, я совершенно уверен в том, что хочу быть с тобой, Юля.

Снял перчатку и провел рукой по щеке, мимолетно коснулся нижней губы, спустился вниз по шее.

От бархатной кожи мерно исходило тепло, которого ему так не хватало.

Юля замерла от его прикосновения. Оно было таким узнаваемым, но позабытым. Чужим.

- Перестань, - отстранилась она. - И не говори ерунды. Столько воды утекло, что заново начинать - бессмысленно.

- Но, ты ведь любишь меня, - сказал, совершенно не сомневаясь в правильности предположения.

- И что? - не стала отрицать девушка.

Да и зачем было спорить? Доказывающий свою невиновность выглядит еще более виноватым.

- Мы могли бы наслаждаться друг другом, - ответил Алекс.

Насладились уже - хотелось сказать Юле, но она изрекла иное:

- Брось. Ты женат - честь по чести, как и зарекался давным-давно при пасторской дочке. Не центровскую под венец повел, а домашнюю, в лучших традициях воспитанную девочку. Вот и наслаждайся ею. И больше - не приходи, - сказав, даже не стала слушать ответ.

Встала и ушла. Закрылась в служебном туалете и, выждав минут пятнадцать, вернулась на рабочее место.

Ни на следующий день, ни через неделю, месяц, он не пришел.

А она и не ждала. Ни разу - даже в мыслях не пожалела о том, что отказала, раз и навсегда из жизни его вычеркнула.

Сложилось так, как должно было: она получила возможность коснуться своего идола, погреться немножко в лучах его тепла, а он - потешил свое самолюбие, забавляясь над ее слепым обожанием. Усладил свое эго.

Две Вселенные пересеклись на мгновение, озаряя галактики брызгами ослепительных искр. Раскрошили в пыль сотни планет и снова разошлись. Чтобы больше - никогда не пересечься.

И глупой дурочкой была бы, если бы снова позволила себя спалить. Не по отношению к себе даже не могла такого позволить - к Дариану. Он был тем самым спасательным бальзамом от ожогов. Он был мятной прохладой после испепеляющего зноя.

И чувство, робкое, зарождающееся, но набирающее обороты, крепло. И растоптать его было бы верхом глупости.

Юля знала, что то самое первое - всепожирающее чувство никуда не уйдет, но она так же была уверена, что та иная, другая совсем любовь будет не менее прочной. И какими разными были Алекс и Дариан, такой же различной будет ее эмоциональная привязанность к ним.

Решив так и дав себе зарок более не поддаваться на провокации коварной судьбинушки, Юля от греха подальше поменялась с коллегой сменами. А через несколько месяцев и вовсе ушла в декрет.

***

2048 год.

Эпилог.

«Моя прекрасная девочка, я так и не смог забыть тебя. Ты – как яркая комета, навсегда оставила в моей душе не остывающий след. Не знаю, зачем пишу это письмо – и отправлю ли его? Наверное, просто хочу раз в жизни сказать правду и совершить смелый поступок.

Я полюбил тебя сразу – как только увидел. Ты смотрела на меня чистыми, восторженными глазами, будто я – самое лучшее, что ты видела на этой планете. Слепой, бесчувственный дурак, я просто не понимал, что пропал раз и навсегда. Ты, это лучшее, что только случилось в моей фальшивой жизни. Ты не считала нужным скрывать свои чувства, и это делало тебя светлым, искренним человеком. Если бы ты знала, девочка, как я жалею, что смеялся над таким беспечным проявлением любви. Я не понимал, что теряю. Не знал, как сильно пожалею, что не оценил, не схватил тебя в медвежьи объятия и не увез на край света. Прости меня, прости, что сломал наши судьбы. Сейчас, когда Бог все-таки сжалился и послал мне немного мудрости, ведь нельзя же быть всю жизнь таким мудаком, я понял, что ты – была только мне предначертана, моя звездочка, только для меня светить была рождена. Мне не стыдно сейчас говорить так высокопарно и напыщенно – все можно списать на болезнь Альцгеймера или еще какую старческую болячку.

Юлечка, я знаю, что у тебя все хорошо. С трудом, но мне удалось разыскать твой домашний адрес и навести справки. Помнишь ту старенькую кофейню, где мы встретились после долгой разлуки? Я вытряс у управляющего твои данные. Давно это было, но после того я уже не терял тебя из виду.

Красавица моя, я рад, что ты счастлива. Хорошо, что тот парень позаботился о тебе. Думаю, что он любил без оглядки, потому что тебя просто невозможно не любить.

Мое, лишенное всякой связной мысли, послание буду кончать, хотя много еще хотелось бы сказать, поскольку пора пить очередную пилюлю и боюсь, после я буду не в состоянии не то что ручку держать, а подобрать слюни с подбородка.

Девочка любимая, я еще раз прошу простить меня. Я всю сознательную жизнь был кретином, и им же скоро умру. И когда предстану перед Всевышним, все, чего только попрошу – дать нам еще один шанс. Представляешь, как было бы здорово – снова быть молодыми, повстречаться, стать, наконец, счастливыми.

Обещаю, что не пройду мимо, если Бог согласится на такую авантюру. Найду тебя, зацелую. Украду, женюсь, даже если ты будешь против.

Ну, бывай, моя нежная девочка. До встречи в новой жизни (я буду очень-очень Его просить).

Целую твои руки, колени. Люблю. И до последнего вздоха буду.

С тоской и надеждой, твой, спятивший на всю седую голову, Алекс.

P.S. Надеюсь, что ты полюбишь меня снова, потому что есть подозрения, что даже в следующей жизни Бог сотворит меня мудаком».

Слезы застили глаза и горячими дорожками проливались на морщинистые щеки. То и дело смаргивая их, Юля снова и снова перечитывала расплывающиеся строчки.

- Мама, заходи, сколько еще мерзнуть будешь? – накинула на плечи колючий плед старшая

дочка. - Все собрались уже, ну?

- Иду, - поднялась с деревянного крылечка Юля и затопталась, разгоняя застывшую кровь в ногах.

- С днем рождения! - приветствовали на разный лад родные и, потянулись обниматься.

Дети и даже взрослые совесем внуки. Окружили, зацеловали.

Когда уже разрезали торт, младшая дочь сказала с грустью:

- Жалко, что папы с нами сегодня нет. Он бы удивил тебя самым оригинальным подарком - как и всегда.

На глаза снова навернулись слезы.

Долгую и счастливую жизнь они прожили с Дарианом. И жалко было, что не вместе ушли.

- Не грустить, - шикнул кто-то из родни. - Праздник сегодня.

Юля кивнула. День был чудесный. Она, наконец почувствовала, что все еще будет хорошо.

И даже если Алекс не вымолит реинкарнацию, продолжение каждого из них живо в их детях.

- Люблю вас, - сказала именинница и блаженно прикрыла глаза.

Июнь, 2015.